

Лев Николаевич

Толстой

Фальшивый купон

(1904 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – Ленинград

1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 36–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

[www.tolstoy.ru](http://www.tolstoy.ru)

Предисловие и редакционные пояснения к 36-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

[report@tolstoy.ru](mailto:report@tolstoy.ru)

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте [readingtolstoy.ru](http://readingtolstoy.ru) к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте [tolstoy.ru](http://tolstoy.ru).

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1905 Г.

\*\* ФАЛЬШИВЫЙ КУПОН.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Федор Михайлович Смоковников, председатель казенной палаты, человек неподкупной честности, и гордящийся этим, и мрачно либеральный и не только свободномыслящий, но ненавидящий всякое проявление религиозности, которую он считал остатком суеверий, вернулся из палаты в самом дурном расположении духа. Губернатор написал ему преглупую бумагу, по которой можно было предположить замечание, что Федор Михайлович поступил нечестно. Федор Михайлович очень озлобился

и тут же написал бойкий и колкий ответ.

Дома, Федору Михайловичу казалось, всё делалось ему наперекор.

Было без 5 минут 5 часов. Он думал, что сейчас же подадут обедать, но обед не был еще готов. Федор Михайлович хлопнул дверью и ушел в свою комнату. В дверь постучался кто-то. «Кой чорт еще там», подумал он и крикнул:

– Кто там еще?

В комнату вошел гимназист пятого класса, пятнадцатилетний мальчик, сын Федора Михайловича.

– Зачем ты?

– Нынче первое число.

– Что? Деньги?

Было заведено, что каждое первое число отец давал сыну жалованья на забавы 3 рубля. Федор Михайлович нахмурился, достал бумажник, поискал и вынул купон в 21/2 рубля, потом достал штучку с серебром и отсчитал еще 50 копеек. Сын молчал и не брал.

– Папа, пожалуйста, дай мне вперед.

– Что?

– Я не просил бы, да я занял на честное слово, обещал.

Я, как честный человек, не могу... мне надо еще три рубля, право, не буду просить... не то что не буду просить, а просто... пожалуйста, папа.

– Тебе сказано...

– Да папа, ведь один раз...

– Ты получаешь жалованья 3 рубля, и всё мало. Я в твои года не получал и 50 копеек.

– Теперь все товарищи мои больше получают. Петров, Иваницкий 50 рублей получают.

– А я тебе скажу, что если ты так поведешь себя, ты будешь мошенник. Я сказал.

– Да что же сказали. Вы никогда не войдете в мое положение, я должен буду подлецом быть. Вам хорошо.

– Пошел вон, шалопай. Вон.

Федор Михайлович вскочил и бросился к сыну.

– Вон. Сечь вас надо.

Сын испугался и озлобился, но озлобился больше, чем испугался, и, склонив голову, скорым шагом пошел к двери. Федор Михайлович не хотел бить его, но он был рад своему гневу и долго еще кричал, провожая сына, бранные слова.

Когда пришла горничная и сказала, что готово обедать, Федор Михайлович встал.

– Наконец, – сказал он. – Мне уже и есть не хочется.

И насупившись пошел к обеду.

За столом жена заговорила с ним, но он так буркнул сердито короткий ответ, что она замолчала. Сын тоже не подымал глаз от тарелки и молчал. Поели молча и молча встали и разошлись.

После обеда гимназист вернулся в свою комнату, вынул из кармана купон и мелочь и бросил на стол, а потом снял мундир, надел куртку. Сначала гимназист взялся за истрепанную латинскую грамматику, потом запер дверь на крючок, смел рукой со стола в ящик деньги, достал из ящика гильзы, насыпал одну, заткнул ватой и стал курить.

Просидел он над грамматикой и тетрадями часа два, ничего не понимая, потом встал и стал, топая пятками, ходить по комнате и вспоминать всё что было с отцом. Все ругательные слова отца, особенно его злое лицо, вспоминались ему, точно он сейчас слышал и видел его. «Шалопай. Сечь надо». И что больше он вспоминал, то больше злился на отца. Вспомнил он, как отец сказал ему: «Вижу, что из тебя выйдет – мошенник. Так и знай». – «И выйдешь мошенником, если так. Ему хорошо. Он забыл, как был модод. Ну, какое же я сделал преступление? Просто поехал в театр, не было денег, взял у Пети Грушецкого. Что же тут дурного? Другой бы пожалел, расспросил, а этот только ругаться и об себе думать. Вот когда у него чего-нибудь нет – это крик на весь дом, а я мошенник. Нет, хоть он и отец, а не люблю я его. Не знаю, все ли так, но я не люблю».

В дверь постучалась горничная. Она принесла записку.

– Велели ответ непременно.

В записке было написано: «Вот уже третий раз я прошу тебя возвратить взятые тобой у меня 6 рублей, но ты отвиливаешь».

Так не поступают честные люди. Прошу немедленно прислать с сим посланным. Мне самому нужна дозарезу. Неужели же ты не можешь достать?

Твой, смотря по тому, отдашь ты или не отдашь, презирающий или уважающий тебя товарищ

Грушецкий».

«Вот и думай. Экая свинья какая. Не может подождать. Попытаюсь еще».

Митя пошел к матери. Это была последняя надежда. Мать его была добрая и не умела отказывать, и она, может быть, и помогла бы ему, но нынче она была встревожена болезнью меньшого, двухлетнего Пети. Она рассердилась на Митю за то, что он пришел и зашумел, и сразу отказала ему.

Он что-то проворчал себе под нос и пошел из двери. Ей стало жалко сына, и она воротила его.

– Пойди, Митя, – сказала она. – У меня нет теперь, но завтра я достану.

Но в Мите всё еще кипела злоба на отца.

– Зачем мне завтра, когда нужно нынче? Так знайте, что я пойду к товарищу.

Он вышел, хлопнув дверь.

«Больше делать нечего, он научит, где часы заложить», подумал он, ощупывая часы в кармане.

Митя достал из стола купон и мелочь, надел пальто и пошел к Махину.

## II.

Махин был гимназист с усами. Он играл в карты, знал женщин, и у него всегда были деньги. Он жил с теткой. Митя знал, что Махин нехороший мальчик, но, когда он был с ним, он невольно подчинялся ему. Махин был дома и собирался в театр: в грязной комнатке его пахло душистым мылом и одеколоном.

– Это, брат, последнее дело, – сказал Махин, когда Митя рассказал ему свое горе, показал купон и пятьдесят копеек и сказал, что ему нужно девять рублей. – Можно и часы заложить, а можно и лучше, – сказал Махин, подмигивая одним глазом.

– Как лучше?

– А очень просто. Махин взял купон. –

– Поставить единицу перед 2 р. 50, и будет 12 р. 50.

– Да разве бывают такие?

– А как же, а на тысячерублевых билетах. Я один спустил такой.

– Да не может быть?

– Так что ж, валить? – сказал Махин, взяв перо и расправив купон пальцем левой руки.

– Да ведь это нехорошо.

– И, вздор какой.

«И точно», подумал Митя, и ему вспомнились опять ругательства отца: мошенник. «Вот и буду мошенник». Он посмотрел в лицо Махину. Махин смотрел на него, спокойно улыбаясь.

– Что же, валить?

– Вали.

Махин старательно вывел единицу.

– Ну, вот теперь пойдем в магазин. Вот тут на углу: фотографические принадлежности. Мне кстати рамка нужна, вот на эту персону.

Он достал фотографическую карточку большеглазой девицы с огромными волосами и великолепным бюстом.

– Какова душка? А?

– Да, да. Как же...

– Очень просто. Пойдем.

Махин оделся, и они вместе вышли.

### III.

В входной двери фотографического магазина зазвонил колокольчик. Гимназисты вошли, оглядывая пустой магазин с полками, установленными принадлежностями, и с витринами на прилавках. Из задней двери вышла некрасивая с добрым лицом женщина и, став за прилавком, спросила, что нужно.

– Рамочку хорошенькую, мадам.

– На какую цену? – спросила дама, быстрой ловко перебирая руками в митенках, с опухшими сочленениями пальцев, рамки разных фасонов. – Эти на 50 копеек, а эти подороже. А вот это очень миленький, новый фасон, рубль двадцать.

- Ну, давайте эту. Да нельзя ли уступить? Возьмите рубль.
- У нас не торгуются, – достойно сказала дама.
- Ну, Бог с вами, – сказал Махин, кладя на витрину купон.
- Давайте рамочку и сдачу, да поскорее. Нам в театр не опоздать.
- Еще успеете, – сказала дама и стала близорукими глазами рассматривать купон.
- Мило будет в этой рамочке. А? – сказал Махин, обращаясь к Мите.
- Нет ли у вас других денег? – сказала продавщица.
- То-то и горе, что нету. Мне дал отец, надо же разменять.
- Да неужели нет рубля двадцати?
- Есть 50 копеек. Да что же, вы боитесь, что мы вас обманываем фальшивыми деньгами?
- Нет, я ничего.
- Так давайте назад. Мы разменяем.
- Так сколько вам?
- Да стало-быть, одиннадцать с чем-то.

Продавщица пощелкала на счетах, отперла конторку, достала 10 рублей бумажкой и, пошевелив рукой в мелочи, собрала еще 6 двугривенных и два пятака.

- Потрудитесь завернуть, – сказал Махин, неторопливо взяв деньги.
- Сейчас.

Продавщица завернула и завязала бечевкой.

Митя перевел дыхание только, когда колокольчик входной двери зазвенел за ними, и они вышли на улицу.

- Ну вот тебе 10 рублей, а эти дай мне. Я тебе отдам.

И Махин ушел в театр, а Митя пошел к Грушецкому и рассчитался с ним.

IV.

Через час после ухода гимназистов хозяин магазина пришел домой и стал считать выручку.

– Ах, дура косолапая! Вот дура-то, – закричал он на свою жену, увидав купон и тотчас же заметив подделку. – И зачем брать купоны.

– Да ты сам, Женя, брал при мне, и именно двенадцатирублевые, – сказала жена, сконфуженная, огорченная и готовая плакать. – Я и сама не знаю, как они меня обморочили, – говорила она, – гимназисты. Красивый молодой человек, казался такой комильфотный.

– Комильфотная дура, – продолжал браниться муж, считая кассу. – Я беру купон, так знаю и вижу, что на нем написано. А ты, я чай, только рожу гимназистов рассматривала на старости лет.

Этого не выдержала жена и сама рассердилась.

– Настоящий мужчина! Только других осуждать, а сам проиграешь в карты 54 рубля – это ничего.

– Я – другое дело.

– Не хочу с тобой говорить, – сказала жена и ушла в свою комнату и стала вспоминать, как в ее семье не хотели выдавать ее замуж, считая мужа ее гораздо ниже по положению, и как она одна настояла на этом браке; вспомнила про своего умершего ребенка, равнодушие мужа к этой потере и возненавидела мужа так, что подумала о том, как бы хорошо было, если бы он умер. Но, подумав это, она испугалась своих чувств и поторопилась одеться и уйти. Когда ее муж вернулся в квартиру, жены уже не было. Она, не дожидаясь его, оделась и одна уехала к знакомому учителю французского языка, который звал нынче на вечер.

V.

У учителя французского языка, русского поляка, был парадный чай с сладкими печениями, а потом сели за несколько столов в винт.

Жена продавца фотографических принадлежностей села с хозяином, офицером и старой, глухой дамой в парике, вдовой содержателя музыкального магазина, большой охотницей и мастерицей играть. Карты шли к жене продавца фотографических принадлежностей. Она два раза назначила шлем. Подле нее стояла тарелочка с виноградом и грушей, и на душе у нее было весело.

– Что же Евгений Михайлович не идет? – спросила хозяйка с другого стола. – Мы его пятым записали.

– Верно, увлекся счетами, – сказала жена Евгенья Михайловича, – нынче расчеты за провизию, за дрова.

И вспомнив про сцену с мужем, она нахмурилась, и ее руки в митенках задрожали от злобы на него.

– Да вот легок на помине, – сказал хозяин, обращаясь к входившему Евгению Михайловичу. – Что запоздали?

– Да разные дела, – отвечал Евгений Михайлович веселым голосом, потирая руки. И, к удивлению жены, он подошел к ней и сказал:

– А знаешь, я купон-то спустил.

– Неужели?

– Да, мужику за дрова.

И Евгений Михайлович рассказал всем с большим негодованием, – в рассказ его включала подробности его жена, – как надули его жену бессовестные гимназисты.

– Ну-с, теперь за дело, – сказал он, усаживаясь за стол, когда пришел его черед, и тасуя карты.

## VI.

Действительно, Евгений Михайлович спустил купон за дрова крестьянину Ивану Миронову.

Иван Миронов торговал тем, что покупал на дровяных складах одну сажень дров, развозил ее по городу и выкладывал так, что из сажени выходило 5 четверок, которые он продавал за ту же цену, какую стоила четверть на дровяном дворе. В этот несчастный для Ивана Миронова день он рано утром вывез осьмушку и, скоро продав, наложил другую еще осьмушку и надеялся продать, но провозил до вечера, добиваясь покупателя, но никто не купил. Он всё попадал на опытных городских жителей, которые знали обычные проделки мужиков, продающих дрова, и не верили тому, что он привез, как он уверял, дрова из деревни. Сам он проголодался, иззяб в своем вытертом полушубке и рваном армяке; мороз к вечеру дошел до 20 градусов; лошаденка, которую он не жалел, потому что собирался продать ее драчам (живодерам), совсем стала. Так что Иван Миронов готов был даже с убытком отдать дрова, когда ему встретился ходивший за табаком в магазин и возвращавшийся домой Евгений Михайлович.

– Возьмите, барин, задешево отдам. Лошаденка стала совсем.

– Да ты откуда?

– Мы из деревни. Свои дрова, хорошие, сухие.

– Знаем мы вас. Ну, что возьмешь?

Иван Миронов запросил, стал сбавлять и, наконец, отдал за свою цену.

– Только для вас, барин, что близко везти, – сказал он.

Евгений Михайлович не очень торговался, радуясь мысли, что он спустит купон. Кое-как, сам подтягивая за оглобли, Иван Миронов ввез дрова во двор и сам разгрузил их в сарай. Дворника не было. Иван Миронов сначала замялся брать купон, но Евгений Михайлович так убедил его и казался таким важным барином, что он согласился взять.

Войдя с заднего крыльца в девичью, Иван Миронов перекрестился, оттаял сосульки с бороды и, заворотив полу кафтана, достал кожаный кошелек и из него 8 рублей 50 копеек и отдал сдачу, а купон, завернув в бумажку, положил в кошелек.

Поблагодарив, как водится, барина, Иван Миронов, разгоняя уж не кнутом, но кнутовищем насилу передвигавшую ноги, обиндедевешую, обреченную на смерть клячонку, порожем погнал к трактиру.

В трактире Иван Миронов спросил себе на 8 копеек вина и чая и, отогревшись и даже распотевши, в самом веселом расположении духа беседовал с сидевшим у его же стола дворником. Он разговорился с ним, рассказал ему все свои обстоятельства. Рассказал, что он из деревни Васильевского, в 12 верстах от города, что он отделенный от отца и братьев и живет теперь с женой и двумя ребятами, из которых старший только ходил в училище, а еще не помогал ничего. Рассказал, что он здесь стоит на фатере(квартире) и завтра пойдет на конную продаст своего одра и присмотрит, а если и придется – купит лошадку. Рассказал, что у него набралось теперь без рубля четвертная и что у него половина денег в купоне. Он достал купон и показал дворнику. Дворник был безграмотный, но сказал, что он менивал для жильцов такие деньги, что деньги хорошие, но бывают поддельные, и потому советовал для верности отдать здесь у стойки. Иван Миронов отдал половому и велел принести сдачи, но половой не принес сдачу, а пришел лысый, с глянцовитым лицом приказчик с купоном в пухлой руке.

– Деньги ваши не годятся, – сказал он, показывая купон, но не отдавая его.

– Деньги хорошие, мне барин дал.

– То-то что не хорошие, а поддельные.

– А поддельные, так давай их сюда.

– Нет, брат, вашего брата учить надо. Ты с мошенниками подделал.

– Давай деньги, какую ты имеешь полную праву?

– Сидор! кликни-ка полицейского, – обратился буфетчик к половому.

Иван Миронов был выпивши. А выпивши он был беспокоен. Он схватил приказчика за ворот и закричал:

– Давай назад, я пойду к барину. Я знаю, где он.

Приказчик рванулся от Ивана Миронова, и рубаха его затрещала.

– А, ты так. Держи его.

Половой схватил Ивана Миронова, и тут же явился городской. Выслушав, как начальник, в чем дело, он тотчас же решил его.

– В участок.

Купон городской положил себе в портмонэ и вместе с лошадей отвел Ивана Миронова в участок.

## VII.

Иван Миронов переночевал в участке с пьяными и ворами. Уже около полудня его потребовали к околоточному. Околоточный допросил его и послал с городским к продавцу фотографических принадлежностей. Иван Миронов запомнил улицу и дом.

Когда городской вызвал барина и представил ему купон и Ивана Миронова, утверждавшего, что этот самый барин дал ему купон, Евгений Михайлович сделал удивленное и потом строгое лицо.

– Что ты, видно с ума спятил. В первый раз его вижу.

– Барин, грех, умирать будем, – говорил Иван Миронов.

– Что с ним сделалось? Да ты, верно, заспал. Ты кому-нибудь другому продал, – говорил Евгений Михайлович. – Впрочем, постойте, я пойду у жены спрошу, брала ли она вчера дрова.

Евгений Михайлович вышел и тотчас же позвал дворника, красивого, необыкновенно сильного и ловкого щеголя, веселого малого Василья, и сказал ему, что если у него будут спрашивать, где взяты последние дрова, чтобы он говорил, что в складе, а что у мужиков дров не покупали.

– А то тут мужик показывает, что я ему фальшивый купон дал. Мужик бестолковый, Бог знает что говорит, а ты человек с понятием. Так и говори, что дрова мы покупаем только в складе. А это я тебе давно хотел дать на куртку, – прибавил Евгений Михайлович и дал дворнику 5 рублей.

Василий взял деньги, блеснул глазами на бумажку, потом на лицо

Евгения Михайловича, тряхнул волосами и слегка улыбнулся.

– Известно, народ бестолковый. Необразованность. Не извольте беспокоиться. Я уж знаю, как сказать.

Сколько и как слезно ни умолял Иван Миронов Евгения Михайловича признать свой купон и дворника подтвердить его слова, и Евгений Михайлович и дворник стояли на своем: никогда не брали дров с возов. И городской свел назад в участок Ивана Миронова, обвиняемого в подделке купона.

Только по совету сидевшего с ним пьяного писаря, отдав пятерку околоточному, Иван Миронов выбрался из-под караула без купона и с семью рублями вместо двадцати пяти, которые у него были вчера. Иван Миронов пропил из этих семи рублей три и с разбитым лицом и мертвецки пьяный приехал к жене.

Жена была беременная на сносях и больная. Она начала ругать мужа, он оттолкнул ее, она стала бить его. Он, не отвечая, лег брюхом на нары и громко заплакал.

Только на другое утро жена поняла, в чем было дело, и, поверив мужу, долго кляла разбойника барина, обманувшего ее Ивана. И Иван, протрезвившись, вспомнил, что ему советовал мастеровой, с которым он пил вчера, и решил итти к аблакату жаловаться.

## VIII.

Адвокат взялся за дело не столько из-за денег, которые он мог получить, сколько из-за того, что поверил Ивану и был возмущен тем, как бессовестно обманули мужика.

На суд явились обе стороны, и дворник Василий был свидетелем. На суде повторилось то же. Иван Миронов поминал про Бога, про то, что умирать будем. Евгений Михайлович, хотя и мучался сознанием гадости и опасности того, что он делал, не мог уже теперь изменить показания и продолжал с внешне спокойным видом всё отрицать.

Дворник Василий получил еще 10 рублей и с улыбкой спокойно утверждал, что видом не видал Ивана Миронова. И когда его привели к присяге, хотя и робел внутренно, наружно спокойно повторил за вызванным старичком священником слова присяги, на кресте и святом Евангелии клянясь в том, что будет говорить всю правду.

Дело кончилось тем, что судья отказал Ивану Миронову в иске, положил взыскать с него 5 рублей судебных издержек, которые Евгений Михайлович великодушно простил ему. Отпуская Ивана Миронова, судья прочел ему наставление о том, чтобы он вперед был осторожнее в взведении обвинений на почтенных людей и был бы благодарен за то,

что ему простили судебные издержки и не преследуют его за клевету, за которую он отсидел бы месяца три в тюрьме.

– Благодарим покорно, – сказал Иван Миронов и, покачивая головой и вздыхая, вышел из камеры.

Всё это, казалось, кончилось хорошо для Евгения Михайловича и дворника Василья. Но это только казалось так. Случилось то, чего никто не видел, но что было важнее всего того, что люди видели.

Василий уже третий год ушел из деревни и жил в городе. С каждым годом он подавал отцу всё меньше и меньше и не выписал к себе жену, не нуждаясь в ней. У него здесь, в городе, жен, и не таких, как его нехалыва, было сколько хочешь. С каждым годом Василий всё больше и больше забывал деревенский закон и освоивался с городскими порядками. Там всё было грубо, серо, бедно, неурядливо, здесь всё было тонко, хорошо, чисто, богато, всё в порядке. И он всё больше и больше уверялся, что деревенские живут без понятия, как звери лесные, здесь же – настоящие люди. Читал он книжки хороших сочинителей, романы, ходил на представления в народный дом. В деревне и во сне того не видишь. В деревне старики говорят: живи в законе с женой, трудись, лишнее не ешь, не щеголай, а здесь люди умные, ученые – значит, знают настоящие законы, – живут в свое удовольствие. И всё хорошо. До дела с купоном Василий всё не верил, что у господ нет никакого закона насчет того, как жить. Ему всё казалось, что он не знает их закона, а закон есть. Но последнее дело с купоном и, главное, его фальшивая присяга, от которой, несмотря на его страх, ничего худого не вышло, а, напротив, вышло еще 10 рублей, он совсем уверился, что нет никаких законов, и надо жить в свое удовольствие. Так он и жил, так и продолжал жить. Сначала он пользовался только на покупках жильцов, но этого [было] мало для всех его расходов, и он где мог стал таскать деньги и ценные вещи из квартир жильцов и украл кошелек Евгения Михайловича. Евгений Михайлович уличил его, но не стал подавать в суд, а расчел его.

Домой Василию итти не хотелось, и он остался жить в Москве с своей любезной, отыскивая место. Место нашлось дешевое к лавочнику в дворники. Василий поступил, но на другой же месяц попался в краже мешков. Хозяин не стал жаловаться, а побил Василья и прогнал. После этого случая места уже не находилось, деньги проживались, потом стала проживаться одежда, и кончилось тем, что остался один рваный пиджак, штаны и опорки. Любезная бросила его. Но Василий не утратил свое бодрое, веселое расположение и, дождавшись весны, пошел пеший домой.

IX.

Петр Николаевич Свентицкий, маленький, коренастый человек в черных очках (у него болели глаза, ему угрожала полная слепота),

встал, по обыкновению, до света и, выпив стакан чаю, надел крытый, отороченный мерлушкой полушубочек и пошел по хозяйству.

Петр Николаевич был таможенным чиновником и нажил там 18 тысяч рублей. Лет 12 тому назад он вышел в отставку не совсем по своей воле и купил именьеце промотавшегося юноши-помещика. Петр Николаич был на службе еще женат. Жена его была бедная сирота старого дворянского рода, крупная, полная, красивая женщина, не давшая ему детей. Петр Николаич во всех делах был человек основательный и настойчивый. Ничего не зная о хозяйстве (он был сын польского шляхтича), он так хорошо занялся хозяйством, что разоренное имение в 300 десятин через 10 лет стало образцовым. Все постройки у него, от дома до амбара и навеса над пожарной трубой, были прочные, основательные, крытые железом и во-время крашенные. В инструментом сарае стояли порядком телеги, сохи, плуги, бороны. Сбруя была вымазана. Лошади были не крупные, почти всё своего завода – саврасой масти, сытенькие, крепенькие, одна в одну. Молотилка работала в крытой риге, корм убирался в особенном сарае, навозная жижа стекала в мощеную яму. Коровы были тоже своего завода, не крупные, но молочные. Свиньи были аглицкие. Был птичник и особенно ноской породы куры. Сад фруктовый был обмазан и подсажен. Везде всё было хозяйственно, прочно, чисто, исправно. Петр Николаич радовался на свое хозяйство и гордился тем, что всего этого он достигал не притеснением крестьян, а, напротив, строгой справедливостью к ним. Он даже среди дворян держался среднего, скорее либерального, чем консервативного, взгляда и всегда перед крепостниками защищал народ. Будь с ними хорош, и они будут хороши. Правда, он не спускал промахов и ошибок рабочих, иногда и сам поталкивал их, требовал работы, но зато помещения, харчи были самые хорошие, жалованье всегда было выдано во-время, и в праздники он подносил водку.

Ступая осторожно по талому снегу, – это было в феврале, – Петр Николаич направился мимо рабочей конюшни к избе, где жили рабочие. Было еще темно; еще темнее от тумана, но в окнах рабочей избы был виден свет. Рабочие вставали. Он намеревался поторопить их: по наряду им надо было на шестером ехать за последними дровами в рощу.

«Это что?» подумал он, увидав отворенную дверь в конюшню.

– Эй, кто тут?

Никто не отозвался. Петр Николаич вошел в конюшню.

– Эй, кто тут?

Никто не отзывался. Было темно, под ногами мягко, и пахло навозом. Направо от двери в стойле стояла пара молодых саврасых. Петр Николаич протянул руку – пусто. Он тронул ногой. Не легла ли? Нога ничего не встретила. «Куда ж они ее вывели?» подумал он. Запрягать – не запрягали, сани еще все наружи. Петр Николаич вышел из двери и крикнул громко:

– Эй, Степан.

Степан был старший рабочий. Он как раз выходил из рабочей.

– Яу! – откликнулся весело Степан. – Это вы, Петр Николаич? Сейчас ребята идут.

– Что у вас конюшня отперта?

– Конюшня? Не могу знать. Эй, Прошка, давай фонарь.

Прошка прибежал с фонарем. Вошли в конюшню. Степан сразу понял.

– Это воры были, Петр Николаич. Замок сбит.

– Врешь?

– Свели, разбойники. Машки нет, Ястреба нет. Ястреб здесь. Пестрого нет. Красавчика нет.

Трех лошадей не было. Петр Николаич ничего не сказал. Нахмурился и тяжело дышал.

– Ох, попался бы мне. Кто караулил?

– Петька. Петька проспал.

Петр Николаич подал в полицию, к становому, земскому начальнику, разослал своих. Лошадей не нашли.

– Поганый народ! – говорил Петр Николаич, – что сделали. Я ли им добро не делал. Погоди же ты. Разбойники, все разбойники. Теперь я не так с вами поведу дело.

Х.

А лошади, тройка саврасых, были уже на местах. Одну, Машку, продали цыганам за 18 рублей, другого, Пестрого, променяли мужику за 40 верст, Красавчика загнали и зарезали. Продали шкуру за 3 рубля. Всему делу этому был руководчиком Иван Миронов. Он служил у Петра Николаича и знал порядки Петра Николаича и решил вернуть свои денежки. И устроил дело.

После своего несчастья с фальшивым купоном Иван Миронов долго пил и пропил бы всё, если бы жена не спрятала от него хомуты, одежду и всё, что можно было пропить. Во время пьянства своего Иван Миронов не переставая думал не только о своем обидчике, но о всех господах и господишках, которые только тем живут, что обирают нашего брата. Пил один раз Иван Миронов с мужиками из-под Подольска. И мужики дорогой, пьяные, рассказали ему, как они свели лошадей у мужика. Иван Миронов стал ругать конокрадов за то, что они обидели мужика. – «Грех это, –

говорил он, – у мужика лошадка всё равно брат, а ты его обездолишь. Коли уводить, так у господ. Эти собаки того стоят». Дальше, больше, разговорились, и подольские мужики сказали, что у господ свести лошадей хитро. Надо знать ходы, а без своего человека нельзя. Тогда Иван Миронов вспомнил про Свентицкого, у которого он жил в работниках, вспомнил, что Свентицкий не додал при расчете полтора рубля за сломанный шкворень, вспомнил и про саврасеньких лошадок, на которых он работал.

Автотипия начала первого автографа „Фальшивого купона”.

Размер подлинника.

Иван Миронов сходил к Свентицкому как будто наниматься, а только затем, чтобы высмотреть и узнать всё. И узнав всё: что караульщика нет, что лошади в денниках, в конюшне, – подвел воров и сделал всё дело.

Поделив о подольскими мужиками выручку, Иван Миронов с пятью рублями приехал домой. Дома делать нечего было: лошади не было. И с той поры Иван Миронов стал водиться с конокрадами и цыганами.

XI.

Петр Николаич Свентицкий из всех сил старался найти вора. Без своего не могло быть сделано дело. И потому он стал подозревать своих и, разузнав у рабочих, кто не ночевал в эту ночь дома, узнал, что не ночевал Прошка Николаев – молодой малый, только что пришедший из военной службы солдат, красивый, ловкий малый, которого Петр Николаич брал для выездов вместо кучера. Становой был приятель Петра Николаича, он знал и исправника, и предводителя, и земского начальника, и следователя. Все эти лица бывали у него в именины и знали его вкусные наливки и соленые грибки – белые, опенки и грузди. Все жалели его и старались помочь ему.

– Вот, а вы защищаете мужиков, – говорил становой. – Правду я говорил, что хуже зверей. Без кнута и палки с ними ничего не поделаешь. Так вы говорите, Прошка, тот, что с вами кучером ездит?

– Да, он.

– Давайте его сюда.

Прошку призвали и стали допрашивать:

– Где был?

Прошка тряхнул волосами, блеснул глазами.

– Дома.

– Как же дома, все рабочие показывают, что тебя не было.

– Воля ваша.

– Да не в моей воле дело. А где ты был?

– Дома.

– Ну, хорошо же. Сотский, сведи его в стан.

– Воля ваша.

Так и не сказал Прошка, где был, а не сказал потому, что ночь он был у своего дружка, у Параши, и обещал не выдавать ее, и не выдал. Улик не было. И Прошку выпустили. Но Петр Николаич был уверен, что это всё дело Прокофья, и возненавидел его. Один раз Петр Николаич, взяв Прокофья за кучера, выслал его на подставу. Прошка, как и всегда делал, взял на постоялом дворе две меры овса. Полторы скормил, а на полмеры выпил. Петр Николаич узнал это и подал мировому судье. Мировой судья приговорил Прошку на 3 месяца в острог. Прокофий был самолюбив. Он считал себя выше людей и гордился собой. Острог унизил его. Ему нельзя было гордиться перед народом, и он сразу упал духом.

Из острога Прошка вернулся домой не столько озлобленный против Петра Николаича, сколько против всего мира.

Прокофий, как говорили все, после острога опустился, стал лениться работать, стал пить и скоро попался в воровстве одежды у мещанки и попал опять в острог.

Петр же Николаич узнал об лошадях только то, что была найдена шкура с саврасого мерина, которую Петр Николаич признал за шкуру Красавчика. И эта безнаказанность воров еще больше раздражила Петра Николаича. Он не мог теперь без злобы видеть мужиков и говорить про них и где мог старался прижать их.

## XII.

Несмотря на то, что, спустив купон, Евгений Михайлович перестал думать о нем, жена его Мария Васильевна не могла простить ни себе, что поддалась обману, ни мужу за жестокие слова, которые он сказал

ей, ни, главное, тем двум мальчишкам–негодьям, которые так ловко обманули ее.

С того самого дня, как ее обманули, она приглядывалась ко всем гимназистам. Раз она встретила Махина, но не узнала его, потому что он, увидав ее, сделал такую рожу, которая совсем изменила его лицо. Но Митю Смоковникова она, столкнувшись с ним нос с носом на тротуаре недели две после события, тотчас же узнала. Она дала ему пройти и, повернувшись, следом пошла за ним. Дойдя до его квартиры и узнав, чей он сын, она на другой день пошла в гимназию и в передней встретила законоучителя Михаила Введенского. Он спросил, что ей нужно. Она сказала, что желает видеть директора.

– Директора нет, он нездоров; может быть, я могу исполнить или передать ему?

Мария Васильевна решила всё рассказать законоучителю.

Законоучитель Введенский был вдовец, академик и человек очень самолюбивый. Еще в прошлом году он встретился в одном обществе с отцом Смоковникова и, столкнувшись с ним в разговоре о вере, в котором Смоковников разбил его по всем пунктам и поднял на смех, решил обратить особенное внимание на сына и, найдя в нем такое же равнодушие к Закону Божию, как и в неверующем отце, стал преследовать его и даже провалил его на экзамене.

Узнав от Марии Васильевны про поступок молодого Смоковникова, Введенский не мог не почувствовать удовольствия, найдя в этом случае подтверждение своих предположений о безнравственности людей, лишенных руководства церкви, и решил воспользоваться этим случаем, как он старался себя уверить, для показания той опасности, которая угрожает всем отступающим от церкви, – в глубине же души для того, чтобы отомстить гордому и самоуверенному атеисту.

– Да, очень грустно, очень грустно, – говорил отец Михаил Введенский, поглаживая рукой гладкие бока наперсного креста. – Я очень рад, что вы передали дело мне; я, как служитель церкви, постараюсь не оставить молодого человека без наставлений, но и постараюсь как можно более смягчить назидание.

«Да, я сделаю так, как подобает моему званию», говорил себе отец Михаил, думая, что он, совершенно забыв недоброжелательство к себе отца, имеет в виду только благо и спасение юноши.

На следующий день на уроке Закона Божия отец Михаил рассказал ученикам весь эпизод фальшивого купона и сказал, что это сделал гимназист.

– Поступок дурной, постыдный, – сказал он, – но запирательство еще хуже. Если, чему я не верю, это сделал один из вас, то лучше ему покаяться, чем скрываться.

Говоря это, отец Михаил пристально смотрел на Митю Смоковникова. Гимназисты, следя за его взглядом, тоже оглядывались на

Смоковникова. Митя краснел, потел, наконец расплакался и выбежал из класса.

Мать Мити, узнав про это, выпытала вою правду у сына и побежала в магазин фотографических принадлежностей. Она заплатила 12 рублей 50 копеек хозяйке и уговорила ее скрыть имя гимназиста. Сыну же велела всё отрицать и ни в каком случае не признаваться отцу.

И действительно, когда Федор Михайлович узнал о том, что было в гимназии, и призванный им сын отперся от всего, он поехал к директору и, рассказав всё дело, сказал, что поступок законоучителя в высшей степени предосудителен и он не оставит этого так. Директор пригласил священника, и между им и Федором Михайловичем произошло горячее объяснение.

– Глупая женщина вклепалась в моего сына, потом сама отреклась от своего показания, а вы не нашли ничего лучшего, как оклеветать честного, правдивого мальчика.

– Я не клеветал и не позволю вам говорить так со мной. Вы забываете мой сан.

– Наплевать мне на ваш сан.

– Ваши превратные понятия, – дрожа подбородком, так что тряслась его редкая бородка, заговорил законоучитель, – известны всему городу.

Господа, батюшка, – старался успокоить спорящих директор. Но успокоить их нельзя было.

– Я по долгу своего сана должен заботиться о религиозно–нравственном воспитании.

– Полноте притворяться. Разве я не знаю, что вы ни в чох, ни в смерть не верите?

– Я считаю недостойным себя говорить с таким господином, как вы, – проговорил отец Михаил, оскорбленный последними словами Смоковникова в особенности потому, что он знал, что они справедливы. Он прошел полный курс духовной академии и потому давно уже не верил в то, что исповедывал и проповедывал, а верил только в то, что все люди должны принуждать себя верить в то, во что он принуждал себя верить.

Смоковников не столько был возмущен поступком законоучителя, сколько находил, что это хорошая иллюстрация того клерикального влияния, которое начинает проявляться у нас, и всем рассказывал про этот случай.

Отец же Введенский, видя проявления утвердившегося нигилизма и атеизма не только в молодом, но старом поколении, всё больше и больше убеждался в необходимости борьбы с ним. Чем больше он осуждал неверие Смоковникова и ему подобных, тем больше он убеждался в твердости и незыблемости своей веры и тем меньше чувствовал потребности проверять ее или согласовать ее с своей жизнью. Его

вера, признаваемая всем окружающим его миром, была для него главным орудием борьбы против ее отрицателей.

Эти мысли, вызванные в нем столкновением с Смоковниковым, вместе с неприятностями по гимназии, происшедшими от этого столкновения, – именно, выговор, замечание, полученное от начальства, – заставили его принять давно уже, со смерти жены, манившее его к себе решение: принять монашество и избрать ту самую карьеру, по которой пошли некоторые из его товарищей по академии, из которых один был уже архиереем, а другой архимандритом на вакансии епископа.

К концу академического года Введенский покинул гимназию, постригся в монахи под именем Мисаила и очень скоро получил место ректора семинарии в поволжском городе.

### XIII.

Между тем Василий дворник шел большой дорогой на юг.

День он шел, а на ночь десятский отводил его на очередную квартиру. Хлеб ему везде давали, а иногда и сажали за стол ужинать. В одной деревне Орловской губернии, где он ночевал, ему сказали, что купец, снявший у помещика сад, ищет молодцов караульных. Василью надоело нищенствовать, а домой идти не хотелось, и он пошел к купцу–садовнику и нанялся караульщиком за пять рублей в месяц.

Жизнь в шалаше, особенно после того, как стала поспевать грушевка и с барского гумна караульщики принесли большущие вязанки свежей, из–под молотилки, соломы, была очень приятна Василью. Лежи целый день на свежей, пахучей соломе подле кучек, еще более, чем солома, пахучих падали ярового и зимового яблока, поглядывай, не забрались ли где ребята за яблоками, посвистывай и распевай песни, А песни петь Василий был мастер. И голос у него был хороший. Придут с деревни бабы, девки за яблоками. Пошутит с ними Василий, отдаст, как какая приглянется, побольше или поменьше яблок за яйца или копеечки – и опять лежи; только сходи позавтракать, пообедать, поужинать.

Рубаха на Василье была одна розовая ситцевая, и та в дырах, на ногах ничего не было, но тело было сильное, здоровое, и, когда котелок с кашей снимали с огня, Василий съедал за троих, так что старик–караульщик только дивился на него. По ночам Василий не спал и либо свистал, либо покрикивал и, как кошка, далеко в темноте видел. Раз забрались с деревни большие ребята трясти яблоки. Василий подкрался и набросился на них; хотели они отбиться, да он расшвырял их всех, а одного привел в шалаш и сдал хозяину.

Первый шалаш Василья был в дальнем саду, а второй шалаш, когда грушевка сошла, был в 40 шагах от барского дома. И в этом шалаше Василью еще веселее было. Целый день Василий видел, как господа и

барышни играли, ездили кататься, гуляли, а по вечерам и ночам играли на фортепьяно, на скрипке, пели, танцевали. Видел он, как барышни с студентами сидели на окнах и ласкались и потом одни шли гулять в темные липовые аллеи, куда только полосами и пятнами проходил лунный свет. Видел он, как бегали слуги с едой и питьем и как повара, прачки, приказчики, садовники, кучера – все работали только затем, чтобы кормить, поить, веселить господ. Заходили иногда молодые господа и к нему в шалаш, и он отбирал им и подавал лучшие, наливные и краснобокие яблоки, и барышни тут же, хрустя зубами, кусали их и хвалили и что-то говорили – Василий понимал, что об нем – по-французски и заставляли его петь.

И Василий любовался на эту жизнь, вспоминая свою московскую жизнь, и мысль о том, что всё дело в деньгах, всё больше и больше западала ему в голову.

И Василий стал всё больше и больше думать о том, как бы сделать, чтобы сразу захватить побольше денег. Стал он вспоминать, как он прежде пользовался, и решил, что не так надо делать, что надо не так, как прежде, ухватить где плохо лежит, а вперед обдумать, вызнать и сделать чисто, чтобы никаких концов не оставить. К рождеству богородицы сняли последнюю антоновку. Хозяин попользовался хорошо и всех караульщиков и Василья расчел и отблагодарил.

Василий оделся – молодой барин подарил ему куртку и шляпу – и не пошел домой, очень тошно ему было думать о мужицкой, грубой жизни, – а вернулся назад в город с пьющими солдатиками, которые вместе с ним караулили сад. В городе он решил ночью взломать и ограбить ту лавку, у хозяина которой он жил и который прибил его и прогнал без расчета. Он знал все ходы и где были деньги, солдатика приставил караулить, а сам взломал окно со двора, пролез и выбрал все деньги. Дело было сделано искусно, и следов никаких не нашли. Денег вынул 370 рублей. 100 рублей Василий дал товарищу, а с остальными уехал в другой город и там кутил с товарищами и товарками.

#### XIV.

Между тем Иван Миронов стал ловким, смелым и успешным конокрадом. Аfirmья, его жена, прежде ругавшая его за плохие дела, как она говорила, теперь была довольна и гордилась мужем, тем, что у него тулуп крытый и у ней самой полушалок и новая шуба.

В деревне и в округе все знали, что ни одна кража лошадей не обходилась без него, но доказать на него боялись, и, когда и бывало на него подозрение, он выходил чист и прав. Последняя кража его была из ночного в Колотовке. Когда мог, Иван Миронов разбирал, у кого красть, и больше любил брать у помещиков и купцов. Но и у помещиков и купцов было труднее. И потому, когда не подходили помещичьи и купеческие, он брал и у крестьян. Так он и захватил в Колотовке из

ночного каких попало лошадей. Сделал дело не он сам, но подговоренный им ловкий малый Герасим. Мужики хватились лошадей только на заре и бросились искать по дорогам. Лошади же стояли в овраге, в казенном лесу. Иван Миронов намеревался продержат их тут до другой ночи, а ночью махнуть за 40 верст к знакомому дворнику. Иван Миронов проведал Герасима в лесу, принес ему пирога и водки и пошел домой лесной тропинкой, где надеялся никого не встретить. На беду его он столкнулся с сторожем–солдатом.

– Али по грибы ходил? – сказал солдат.

– Да нет ничего нынче, – отвечал Иван Миронов, показывая на лукошко, которое он взял на всякий случай.

– Да, нынче не грибное лето, – сказал солдат, – нешто постом пойдут, – и прошел мимо.

Солдат понял, что тут что–то неладно. Незачем было Ивану Миронову ходить рано утром по казенному лесу. Солдат вернулся и стал шарить по лесу. Около оврага он услышал лошадиное фыркание и пошел потихоньку, к тому месту, откуда слышал. В овраге было притоптано, и был лошадиный помет.

Дальше сидел Герасим и ел что–то, а две лошади стояли привязанные у дерева.

Солдат побежал в деревню, взял старосту, сотского и двух понятых. Они с трех сторон подошли к тому месту, где был Герасим, и захватили его. Герасим не стал заператься и тотчас же спяна во всем сознался. Рассказал, как его напоил и подговорил Иван Миронов и как обещался нынче прийти за лошадьми в лес. Мужики оставили лошадей и Герасима в лесу, а сами сделали засаду, выжидая Ивана Миронова. Когда смерклось, послышался свист. Герасим откликнулся. Только Иван Миронов стал спускаться с горы, на него набросились и повели в деревню. На утро перед Старостиной избой собралась толпа.

Ивана Миронова вывели и стали допрашивать. Степан Пелагеюшкин, высокий, сутуловатый, длиннорукий мужик, с орлиным носом и мрачным выражением лица, первый стал допрашивать. Степан был мужик одинокий, отбывший воинскую повинность. Только что отошел от отца и стал справляться, как у него увели лошадь. Проработав год в шахтах, Степан опять справил двух лошадей. Обеих увели.

– Говори, где мои кони, – мрачно глядя то в землю, то в лицо Ивана, заговорил, побледнев от злобы, Степан.

Иван Миронов отперся. Тогда Степан ударил его в лицо и разбил нос, из которого потекла кровь.

– Говори, убую!

Иван Миронов молчал, сгибая голову. Степан ударил своей длинной [рукой] раз, другой. Иван всё молчал, только откидывал то туда, то сюда голову.

– Все бей! – закричал староста.

И все стали бить. Иван Миронов молча упал и закричал:

– Варвары, черти, бейте на смерть. Не боюсь вас.

Тогда Степан схватил камень из заготовленной сажени и разбил Ивану Миронову голову.

XV.

Убийц Ивана Миронова судили. В числе этих убийц был Степан Пелагеюшкин. Его обвинили строже других, потому что все показали, что он камнем разбил голову Ивана Миронова. Степан на суде ничего не таил, объяснил, что когда у него увели последнюю пару лошадей, он заявил в стану, и следы по цыганам найти можно было, да становой его и на глаза не принял и не искал вовсе.

– Что ж нам с таким делать? Разорил нас.

– Почему ж другие не били, а вы? – сказал обвинитель.

– Неправда, все били, мир порешил убить. А я только прикончил. Что ж понапрасну мучить.

Судей поразило в Степане выражение совершенного спокойствия, с которым он рассказывал про свой поступок и про то, как били Ивана Миронова и как он прикончил его.

Степан действительно не видел ничего страшного в этом убийстве. Ему на службе пришлось расстреливать солдата, и, как тогда, так ж при убийстве Ивана Миронова, он не видал ничего страшного. Убили, так убили. Нынче его, завтра меня.

Степана приговорили легко, к одному году тюрьмы. Одежу мужицкую с него сняли, положили под номером в цехгауз, а на него надели арестантский халат и коты.

Степан никогда не имел уважения к начальству, но теперь он вполне убедился, что всё начальство, все господа, все, кроме царя, который один жалел народ и был справедлив, все были разбойники, сосущие кровь из народа. Рассказы ссыльных и каторжных, с которыми он сошелся в тюрьме, подтверждали такой взгляд. Один ссылался в каторгу за то, что обличал начальство в воровстве, другой – за то, что ударил начальника, когда стал занапрасно описывать крестьянское имущество, третий – за то, что подделал ассигнации. Господа, купцы, что ни делали, всё им сходило с рук, а мужика-бедняка за всё про всё посылали в остроги вшей кормить.

В остроге посещала его жена. Без него ей и так плохо было, а тут еще сгорела и совсем разорилась, стала с детьми побираться. Бедствия жены еще больше озлобили Степана. Он и в остроге был зол со всеми и раз чуть не зарубил топором кашевара, за что ему был прибавлен год. В этот год он узнал, что жена его померла и что дома его нет больше...

Когда Степану вышел срок, его позвали в цехгауз, достали с полочки его одежду, в которой он пришел, и дали ему.

– Куда же я пойду теперь? – сказал он, одеваясь, каптенармусу.

– Известно, домой.

– Дома нет. Должно, на дорогу итти надо. Людей грабить.

– А будешь грабить, опять к нам попадешь.

– Ну, это как придется.

И Степан ушел. Направился он всё-таки к дому. Больше итти некуда было.

Не доходя до дома, зашел он ночевать в знакомый постоялый двор с кабаком.

Двор держал толстый владимирский мещанин. Он знал Степана. И знал, что попал он в острог по несчастью. И оставил Степана у себя ночевать.

Мещанин этот богатый отбил у соседнего мужика жену и жил с ней как с работницей и женой.

Степан знал всё это дело – как обидел мещанин мужика, как эта скверная бабенка ушла от мужа и теперь разъелась и потная сидела за чаем и из милости угостила чаем и Степана. Проезжих никого не было. Степана оставили ночевать на кухне.

Матрена убрала всё и ушла в горницу. Степан лег на печке, но спать не мог и всё трещал по лучинам, которые сохли на печке. Не выходило у него из головы толстое брюхо мещанина, торчавшее из-под пояска ситцевой мытой-перемытой, слинявшей рубахи. Всё ему в голову приходило ножом полоснуть это брюхо, сальник выпустить. И бабенке тоже. То он говорил себе: «ну, чорт с ними, уйду завтра», то вспоминал Ивана Миронова и опять думал о брюхе мещанина и белой, потной глотке Матрены. Уж убить, так обоих. Пропел второй петух. Делать, так теперь, а то рассвет. Нож он приметил с вечера и топор. Он сполз с печи, взял топор и нож и вышел из кухни. Как раз он вышел, и за дверью щелкнула щеколда. Мещанин вышел в двери. Он сделал не так, как хотел. Ножом не пришлось, а он взмахнул топором и рассек голову. Мещанин повалился на притолку и наземь.

Степан вошел в горницу. Матрена вскочила и в одной рубахе стояла у

кровати. Степан тем же топором убил и ее.

Потом зажег свечу, вынул деньги из конторки и ушел.

## XVI.

В уездном городе в отдалении от других строений жил в своем доме старик, бывший чиновник, пьяница, с двумя дочерьми и зятем. Замужняя дочь тоже пила и вела дурную жизнь, старшая же, вдова Мария Семеновна, сморщенная, худая, пятидесятилетняя женщина, одна только содержала всех: у ней была пенсия в 250 рублей. На эти деньги кормилась вся семья. Работала же в доме только одна Мария Семеновна. Она ходила за слабым, пьяным стариком отцом и за ребенком сестры, и готовила, и стирала. И, как это всегда бывает, на нее же наваливали все дела, какие нужны были, и ее же все трое и ругали и даже бил зять в пьяном виде. Она всё переносила молча и с кротостью, и, тоже как всегда бывает, чем больше у ней было дела, тем больше она успевала делать. Она и бедным помогала, отрезывая от себя, отдавая свои одежды, и помогала ходить за больными.

Работал раз у Марии Семеновны хромой, безногий портной деревенский. Перешивал он поддевку старику и покрывал сукном полушубок для Марии Семеновны – зимой на базар ходить.

Хромой портной был человек умный и наблюдательный, по своей должности много видавший разных людей и, вследствие своей хромоты, всегда сидевший и потому расположенный думать. Прожив у Марии Семеновны неделю, не мог надивиться на ее жизнь. Один раз она пришла к нему в кухню, где он шил, застирать полотенцы и разговорилась с ним об его житье, как брат его обижал, и как он отделился от него.

– Думал лучше будет, а всё то же, нужда.

– Лучше не менять, а как живешь, так и живи, – сказала Мария Семеновна.

– Да я и то на тебя, Мария Семеновна, дивлюсь, как ты всё одна да одна во все концы на людей хлопочешь. А от них добра, я вижу, мало.

Мария Семеновна ничего не сказала.

– Должно, ты по книгам дошла, что награда за это будет на том свете.

– Про это нам неизвестно, – сказала Мария Семеновна, – а только жить так лучше.

– А в книгах это есть?

– И в книгах есть, – сказала она и прочла ему нагорную проповедь из

Евангелия. Портной задумался. И когда рассчитался и пошел к себе, всё думал о том, что видел у Марии Семеновны и что она сказала и прочла ему.

## XVII.

Петр Николаич изменился к народу, и народ изменился к нему. Не прошло и года, как они срубили 27 дубов и сожгли не застрахованную ригу и гумно. Петр Николаич решил, что жить с здешним народом нельзя.

В это же время Ливенцовы искали управляющего на свои имения, и предводитель рекомендовал Петра Николаича, как лучшего хозяина в уезде. Имения Ливенцовские, огромные, не давали ничего дохода, и крестьяне пользовались всем. Петр Николаич взялся привести всё в порядок и, отдав свое имение в аренду, переехал с женой в дальнюю поволжскую губернию.

Петр Николаич и всегда любил порядок и законность, а теперь тем более не мог допустить того, чтобы этот дикий, грубый народ мог бы, противно закону, завладеть не принадлежащей им собственностью. Он был рад случаю поучить их и строго взялся за дело. Одного крестьянина он за покражу леса засудил в острог, другого собственноручно избил за то, что тот не свернул с дороги и не снял шапку. О лугах, про которые шел спор и крестьяне считали своими, Петр Николаич объявил крестьянам, что если они выпустят на них скотину, то он заарестует ее.

Пришла весна, и крестьяне, как они делали это в прежние года, выпустили скотину на барские луга. Петр Николаич собрал всех работников и велел загнать скотину на барский двор. Мужики были на пахоте, и потому работники, несмотря на крики баб, загнали скотину. Вернувшись с работы, мужики, собравшись, пришли на барский двор требовать скотину. Петр Николаич вышел к ним с ружьем за плечами (он только что вернулся с объезда) и объявил им, что скотину он отдаст не иначе, как по уплате 50 копеек с рогатой и 10 с овцы.

Мужики стали кричать, что луга ихние, что их и отцы и деды ими владели и что нет таких прав забирать чужую скотину.

– Отдай скотину, не то худо будет, – сказал один старик, наступая на Петра Николаича.

– Что худо будет? – весь бледный, подступая к старику, закричал Петр Николаич.

– От греха отдай. Шаромыжник.

– Что? – крикнул Петр Николаич и ударил в лицо старика.

– Ты драться не смеешь. Ребята, бери си́лом скотину.

Толпа надвинулась. Петр Николаич хотел уйти, но его не пускали. Он стал пробиваться. Ружье выстрелило и убило одного из крестьян. Сделалась крутая свалка. Петра Николаича смяли. И через пять минут изуродованное тело его стащили в овраг.

Над убийцами назначили военный суд, и двоих приговорили к повешению.

### XVIII.

В селе, из которого был портной, пять богатых крестьян снимали у помещика за 1100 рублей 105 десятин пахотной, черной, как деготь, жирной земли и раздавали ее мужичкам же, кому по 18, кому по 15 рублей. Ни одна земля не шла ниже двенадцати. Так что барыш был хороший. Сами покупщики брали себе по пяти десятин, и земля эта приходилась им даром. Умер у этих мужиков товарищ, и предложили они хромому портному итти к ним в товарищи.

Когда стали наемщики делить землю, портной не стал пить водку, и, когда речь зашла о том, кому сколько земли дать, портной сказал, что обложить всех надо поровну, что не надо брать лишнего с наемщиков, а сколько придется.

– Как так?

– Да али мы нехристи. Ведь это хорошо господам, а мы крестьяне. По-божьему надо. Такой закон Христов.

– Где же закон такой?

– А в книге, в Евангелии. Вот приходи воскресенье, я почитаю и потолкуем.

И [в] воскресенье пришли не все, но трое к портному, и стал он им читать.

Прочел пять глав Матвея, стали толковать. Все слушали, но принял только один Иван Чуев. И так принял, что стал во всем жить по-божьему. И в семье его так жить стали. От земли лишней отказался, только свою долю взял.

И стали к портному и к Ивану ходить, и стали понимать, и поняли, и бросили курить, пить, ругаться скверными словами, стали друг другу помогать. И перестали ходить в церковь и снесли попу иконы. И стало таких дворов 17. Всех 65 душ. И испугался священник и донес архиерею. Архиерей подумал, как быть, и решил послать в село архимандрита Мисаила, бывшего законоучителем в гимназии.

## XIX.

Архиерей посадил Мисаила с собой и стал говорить о том, какие новости проявились в его епархии.

– Всё от слабости духовной и от невежества. Ты человек ученый. Я на тебя надеюсь. Поезжай, созови и при народе разъясни.

– Если владыка благословит, буду стараться, – сказал отец Мисаил. Он был рад этому поручению. Всё, где он мог показать, что он верит, радовало его. А обращая других, он сильнее всего убеждал себя, что он верит.

– Постарайся, очень я страдаю за свою паству, – сказал архиерей, неторопливо принимая белыми, пухлыми руками стакан чая, который подавал ему служка.

– Что ж одно варенье, принеси другого, – обратился он к служке. – Очень, очень мне больно, – продолжал он речь к Мисаилу.

Мисаил был рад себя заявить. Но, как человек небогатый, попросил денег на расходы поездки и, опасаясь противодействия грубого народа, попросил еще распоряжения губернатора о том, чтобы местная полиция в случае надобности оказывала ему содействие.

Архиерей всё устроил ему, и Мисаил, собравши с помощью своего служки и кухарки погребец и провизию, которою нужно было запастись, отправляясь в глухое место, поехал к месту назначения. Отправляясь в эту командировку, Мисаил испытывал приятное чувство сознания важности своего служения и притом прекращения всяких сомнений в своей вере, а напротив, совершенную уверенность в истинности ее.

Мысли его были направлены не на сущность веры, – она признавалась аксиомой, – а на опровержение тех возражений, которые делались по отношению ее внешних форм.

## XX.

Священник села и попадья приняли Мисаила с большим почетом и на другой день его приезда собрали народ в церкви. Мисаил в новой шелковой рясе, с крестом наперсным и расчесанными волосами, вошел на амвон, рядом с ним стал священник, поодаль дьячки, певчие, а у боковых дверей полицейские. Пришли и сектанты – в засаленных,

корявых полушубках.

После молебна Мисаил прочел проповедь, увещевая отпадших вернуться в лоно матери церкви, угрожая муками ада и обещая полное прощение покаявшимся.

Сектанты молчали. Когда их стали спрашивать, они отвечали.

На вопрос о том, почему они отпали, они отвечали, что в церкви почитают деревянных и рукотворенных богов и что в писании не только не показано это, но в пророчествах показано обратное. Когда Мисаил спросил Чуева, правда ли то, что они святые иконы называют досками, Чуев отвечал: «Да ты переверни, какую хочешь икону, сам увидишь». Когда их спросили, почему они не признают священство, они отвечали, что в писании сказано: «даром получили, даром и давайте», а попы только за деньги свою благодать раздают. На все попытки Мисаила опереться на священное писание портной и Иван спокойно, но твердо возражали, указывая на писание, которое они твердо знали. Мисаил рассердился, пригрозил властью мирской. На это сектанты сказали, что сказано: «Меня гнали – и вас будут гнать».

Кончилось ничем, и всё бы прошло хорошо, но на другой день у обедни Мисаил сказал проповедь о зловредности совратителей, о том, что они достойны всякой кары, и в народе, вышедшем из церкви, стали поговаривать о том, что стоило бы проучить безбожников, чтобы они не смущали народ. И в этот день, в то время как Мисаил закусывал семгой и сигом с благочинным и приехавшим из города инспектором, в селе сделалась свалка. Православные столпились у избы Чуева и ожидали их выхода, чтобы избить их. Сектантов было человек 20 мужчин и женщин. Проповедь Мисаила и теперь сборище православных и их угрожающие речи вызвали в сектантах злое чувство, которого не было прежде. Завечерело, пора было бабам коров доить, а православные всё стояли и ждали и вышедшего было малого побили и загнали опять в избу. Толковали, что делать, и не соглашались.

Портной говорил: терпеть надо и не обороняться. Чуев же говорил, что если так терпеть, они всех перебьют и, захватив кочергу, вышел на улицу. Православные бросились на него.

– Ну-ка, по закону Моисея, – крикнул он и стал бить православных и вышиб одному глаз, остальные выскочили из избы и вернулись по домам.

Чуева судили и за соращение и за богохульство приговорили к ссылке.

Отцу же Мисаилу дали награду и сделали архимандритом.

XXI.

Два года тому назад из земли Войска Донского приехала в Петербург на

курсы здоровая, восточного типа, красивая девушка Турчанинова. Девушка эта встретила в Петербурге с студентом Тюриным, сыном земского начальника Симбирской губернии, и полюбила его, но полюбила она не обыкновенной женской любовью с желанием стать его женой и матерью его детей, а товарищеской любовью, питавшейся преимущественно одинаковым возмущением и ненавистью не только к существующему строю, но и к людям, бывшим его представителями, и [сознанием] своего умственного, образовательного и нравственного превосходства над ними.

Она была способна учиться и легко запоминала лекции и сдавала экзамены и, кроме того, поглощала новейшие книги в огромном количестве. Она была уверена, что и призвание ее не в том, чтобы рожать и воспитывать детей, – она даже с гадливостью и презрением смотрела на такое призвание, – а в том, чтобы разрушить существующий строй, сковывающий лучшие силы народа, и указать людям тот новый путь жизни, который ей указывался европейскими новейшими писателями. Полная, белая, румяная, красивая, с блестящими черными глазами и большой черной косой, она вызывала в мужчинах чувства, которых она не хотела, да и не могла разделять, – так она была вся поглощена своей агитационной, разговорной деятельностью. Но ей всё-таки было приятно, что она вызывала эти чувства, и потому она хоть и не наряжалась, не пренебрегала своей наружностью. Ей приятно было, что она нравится, а на деле может показать, как она презирает то, что так ценится другими женщинами. В своих взглядах на средства борьбы с существующим порядком [она] шла дальше большинства своих товарищей и своего друга Тюрина и допускала, что в борьбе хороши и могут быть употребляемы все средства, до убийства включительно. А между тем эта самая революционерка Катя Турчанинова была в душе очень добрая и самоотверженная женщина, всегда непосредственно предпочитавшая чужую выгоду, удовольствие, благосостояние своей выгоде, удовольствию, благосостоянию и всегда истинно радовавшаяся возможности сделать кому-нибудь – ребенку, старику, животному – приятное.

Лето Турчанинова проводила в приволжском уездном городе, у товарки своей, сельской учительницы. В этом же уезде у отца жил и Тюрин. Все трое, вместе с уездным врачом, часто видались, обменивались книгами, спорили и возмущались. Именьем Тюриных было рядом с тем именем Ливенцовых, куда управляющим поступил Петр Николаич. Как скоро приехал Петр Николаич и взялся за порядки, молодой Тюрин, видя в ливенцовских крестьянах самостоятельный дух и твердое намерение отстаивать свои права, заинтересовался ими и часто ходил в село и разговаривал с крестьянами, развивая среди них теорию социализма вообще и в частности национализации земли.

Когда случилось убийство Петра Николаича и наехал суд, кружок революционеров уездного города имел сильный повод для возмущения судом и смело высказывал его. То, что Тюрин ходил в село и говорил с крестьянами, было выяснено на суде. У Тюрина сделали обыск, нашли несколько революционных брошюр, и студента арестовали и свезли в Петербург.

Турчанинова уехала за ним и пошла в тюрьму для свидания, но ее не пустили в обыкновенный день, а допустили только в день общих

свиданий, где она виделась с Тюриным через две решетки. Свидание это еще усилило ее возмущение. Довело же до крайнего предела ее возмущение ее объяснение с красавцем жандармским офицером, который, очевидно, готов был на снисхождение в случае ее принятия его предложений. Это довело ее до последней степени негодования и злобы против всех начальствующих лиц. Она пошла к начальнику полиции жаловаться. Начальник полиции сказал ей то же, что говорил и жандарм, что они ничего не могут, что на это есть распоряжение министра. Она подала докладную записку министру, прося свидания; ей отказали. Тогда она решилась на отчаянный поступок и купила револьвер.

## XXII.

Министр принимал в свой обыкновенный час. Он обошел трех просителей, принял губернатора и подошел к черноглазой, красивой, молодой женщине в черном, стоявшей с бумагой в левой руке. Ласково-похотливый огонек загорелся в глазах министра при виде красивой просительницы, но, вспомнив свое положение, министр сделал серьезное лицо.

– Что вам угодно? – сказал он, подойдя к ней.

Она, не отвечая, быстро вынула из-под пелеринки руку с револьвером и, уставив его в грудь министра, выстрелила, но промахнулась.

Министр хотел схватить ее руку, она отшатнулась и выстрелила другой раз. Министр бросился бежать. Ее схватили. Она дрожала и не могла говорить. И вдруг расхохоталась истерически. Министр не был даже ранен.

Это была Турчанинова. Ее посадили в Дом Предварительного Заключение. Министр же, получив поздравления и соболезнования от самых высокопоставленных лиц и даже самого государя, назначил комиссию исследования того заговора, последствием которого было это покушение.

Заговора, разумеется, никакого не было; но чины тайной и явной полиции старательно принялись за разыскивание всех нитей несуществовавшего заговора и добросовестно заслуживали свое жалованье и содержание: вставая рано утром, в темноте, делали обыск за обыском, переписывали бумаги, книги, читали дневники, частные письма, делали из них на прекрасной бумаге прекрасным почерком экстракты и много раз допрашивали Турчанинову и делали ей очные ставки, желая выведать у нее имена ее сообщников.

Министр был по душе добрый человек и очень жалел эту здоровую, красивую казачку, но он говорил себе, что на нем лежат тяжелые государственные обязанности, которые он исполняет, как они ни трудны

ему. И когда его бывший товарищ, камергер, знакомый Тюриных, встретился с ним на придворном бале и стал просить его за Тюрина и Турчанинову, министр пожал плечами, так что сморщилась красная лента на белом жилете, и сказал:

– Je ne demanderais pas mieux que de lâcher cette pauvre fillete, mais vous savez – le devoir.

[1]

А Турчанинова между тем сидела в доме Предварительного Заключение и иногда спокойно перестукивалась о товарищами и читала книги, которые ей давали, иногда же вдруг впадала в отчаяние и бешенство, билась о стены, визжала и хохотала.

XXIII.

Получила раз Мария Семеновна в казначействе свою пенсию и, возвращаясь назад, встретила знакомого учителя.

– Что, Мария Семеновна, казну получили? – прокричал он ей с другой стороны улицы.

– Получила, – ответила Мария Семеновна, – только дыры заткнуть.

– Ну, денег много, и дыры заткнете, останется, – сказал учитель и, прощаясь, прошел.

– Прощайте, – сказала Мария Семеновна и, глядя на учителя, совсем столкнулась с высоким человеком с очень длинными руками и строгим лицом.

Но, подходя к дому, она удивилась, увидав опять этого же длиннорукого человека. Увидав, как она вошла в дом, он постоял, повернулся и ушел.

Марии Семеновне стало сначала жутко, потом грустно. Но когда она вошла в дом и раздала гостинцы и старику и маленькому золотушному племяннику Феде и приласкала визжавшую от радости Трезорку, ей опять стало хорошо, и она, отдав деньги отцу, взялась за работу, которая никогда не переводилась у ней.

Человек, с которым она столкнулась, был Степан.

Из постоянного двора, где Степан убил дворника, он не пошел в город. И удивительное дело, воспоминание об убийстве дворника не только не было ему неприятно, но он по нескольку раз в день вспоминал его. Ему было приятно думать, что он может сделать это так чисто и ловко, что никто не узнает и не помешает это делать и дальше и над другими. Сидя в трактире за чаем и водкой, он приглядывался к людям всё с той же стороны: как можно убить их. Ночевать он зашел к земляку, ломовому извозчику. Извозчика дома не было. Он сказал, что подождет, и сидел, разговаривая с бабой. Потом, когда она повернулась к печи, ему пришло в голову убить ее. Он удивился, покачал на себя головой, потом достал из голенища нож и, повалив ее, перерезал ей горло. Дети стали кричать, он убил и их и ушел, не ночуя, из города. За городом, в деревне, он вошел в трактир и там выпался.

На другой день он пришел опять в уездный город и на улице слышал разговор Марии Семеновны с учителем. Ее взгляд испугал его, но всё-таки он решил забраться в ее дом и взять те деньги, которые она получила. Ночью он взломал замок и вошел в горницу. Первая услышала его меньшая, замужняя дочь. Она закричала. Степан тотчас же зарезал ее. Зять проснулся и сцепился с ним. Он ухватил Степана за горло и долго боролся с ним, но Степан был сильнее. И, покончив с зятем, Степан, взволнованный, возбужденный борьбой, пошел за перегородку. За перегородкой лежала в постели Мария Семеновна и, поднявшись, смотрела на Степана испуганными, кроткими глазами и крестилась. Взгляд ее опять испугал Степана. Он опустил глаза.

— Где деньги? — сказал он, не поднимая глаз.

Она молчала.

— Где деньги? — сказал Степан, показывая ей нож.

— Что ты? Разве можно? — сказала она.

— Стало быть, можно.

Степан подошел к ней, готовясь ухватить ее за руки, чтобы она не мешала ему, но она не подняла рук, не противилась и только прижала их к груди и тяжело вздохнула и повторила:

— Ох, великий грех. Что ты? Пожалей себя. Чужие души, а пуще свою губишь... О-ох! — вскрикнула она.

Степан не мог больше переносить ее голоса и взгляда и полоснул ее ножом по горлу. — «Разговаривать с вами». — Она опустилась на подушки и захрипела, обливая подушку кровью. Он отвернулся и пошел по горницам, собирая вещи. Обобраз, что нужно было, Степан закурил папироску, посидел, почистил свою одежду и вышел. Он думал, что и это убийство сойдет ему, как прежние, но, не дойдя до ночлега, вдруг почувствовал такую усталость, что не мог двинуть ни одним членом. Он лег в канаву и пролежал в ней остаток ночи, весь день и следующую ночь.

---

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

### I.

Лежа в канаве, Степан не переставая видел перед собой кроткое, худое, испуганное лицо Марии Семеновны и слышал ее голос: «Разве можно?», говорил ее особенный, ее шепелявящий жалостный голос. И Степан опять переживал всё то, что он сделал с нею. И ему становилось страшно, и он закрывал глаза и мотал своей волосатой головой, чтоб вытряхнуть из нее эти мысли и воспоминания. И на минутку он освобождался от воспоминаний, но на место их являлся ему сначала один, другой черный, и за другим шли еще другие черные с красными глазами и делали рожи, и все говорили одно: «с ней покончил – и с собой покончи, а то не дадим покоя». И он открывал глаза и опять видел ее и слышал ее голос, и ему становилось жалко ее и гадко и страшно на себя. И он опять закрывал глаза, и опять черные.

К вечеру другого дня он поднялся и пошел в кабак. Насилу добрал до кабака и стал пить. Но сколько ни пил, хмель не брал его. Он молча сидел за столом и пил стакан за стаканом. В кабак пришел урядник.

– Ты чей будешь? – спросил его урядник.

– А тот самый, я вчерась у Добротворова всех перерезал.

Его связали и, продержав день при становой квартире, отправили в губернский город. Смотритель тюрьмы, узнав в нем прежнего своего арестанта буяна и теперь великого злодея, строго принял его.

– Смотри, у меня не шалить, – нахмуря свои брови и выставив нижнюю челюсть, прохрипел смотритель. – Если только замечу что – запорю. От меня не убежишь.

– Что мне бегать, – отвечал Степан, опутив глаза, – я сам в руки дался.

– Ну, со мной не разговаривать. А когда начальство говорит, смотри в глаза, – крикнул смотритель и ударил его кулаком под челюсть.

Степану в это время опять представилась она и слышался ее голос. Он не слышал того, что говорил ему смотритель.

– Чаво? – спросил он, опомнившись, когда почувствовал удар по лицу.

– Ну, ну – марш, нечего прикидываться.

Смотритель ждал буйства, переговоров с другими арестантами, попыток к бегству. Но ничего этого не было. Когда ни заглядывал в дырку его двери вахтер или сам смотритель, Степан сидел на набитом соломой мешке, подперев голову руками, и всё что-то шептал про себя. На допросах следователя он тоже был не похож на других арестантов: он был рассеян, не слушал вопросов; когда же понимал их, то был так правдив, что следователь, привыкший к тому, чтобы бороться ловкостью и хитростью с подсудимыми, здесь испытывал чувство подобное тому, которое испытываешь, когда в темноте на конце лестницы поднимаешь ногу на ступень, которой нету. Степан рассказывал про все свои убийства, нахмутив брови и устремив глаза в одну точку, самым простым, деловитым тоном, стараясь вспомнить все подробности: «Вышел он, – рассказывал Степан про первое убийство, – босой, стал в дверях, я его, значит, долбанул раз, он и захрипел, я тогда сейчас взялся за бабу» и т. д. При обходе прокурором камер острога у Степана спросили, не имеет ли он жалоб и не нужно ли чего. Он отвечал, что ему ничего не нужно и что его не обижают. Прокурор, пройдя несколько шагов по вонючему коридору, остановился и спросил у сопровождающего его смотрителя, как себя ведет этот арестант?

– Не надивлюсь на него, – отвечал смотритель, довольный тем, что Степан похвалил обращение с ним. – Второй месяц он у нас, примерного поведения. Только боюсь, не задумывает ли чего. Человек отважный и силы непомерной.

## II.

Первый месяц тюрьмы Степан не переставая мучался всё тем же: он видел серую стену своей камеры, слышал звуки острога – гул под собой в общей камере, шаги часового по коридору, стук часов и вместе с [тем] видел ее – с ее кротким взглядом, который победил его еще при встрече на улице, и худой, морщинистой шеей, которую он перерезал, и слышал ее умильный, жалостный, шепелявый голос: «Чужие души и свою губишь. Разве это можно?» Потом голос затихал, и являлись те трое – черные. И являлись всё равно, закрыты или открыты были глаза. При закрытых глазах они являлись явственнее. Когда Степан открывал глаза, они смешивались с дверями, стенами и понемногу пропадали, но потом опять выступали и шли с трех сторон, делая рожи и приговаривая: покончи, покончи. Петлю можно сделать, зажечь можно. И тут Степана прохватывала дрожь, и он начинал читать молитвы, какие знал: Богородицу, Вотче, и сначала как будто помогало. Читая молитвы, он начинал вспоминать свою жизнь: вспоминал отца, мать, деревню, Волчка-собаку, деда на печке, скамейки, на которых катался с ребятами, потом вспоминал девок с их песнями, потом лошадей, как их увели и как поймали конокрада, как он камнем добил его. И вспоминался первый острог, и как он вышел, и вспоминал толстого дворника, жену извозчика, детей и потом опять вспоминал ее. И ему

становилось жарко, и он, спустив с плеч халат, вскакивал с нары и начинал, как зверь в клетке, скорыми шагами ходить взад и вперед по короткой камере, быстро поворачиваясь у запотелых, сырых стен. И он опять читал молитвы, но молитвы уже не помогали.

В один из длинных осенних вечеров, когда в трубах свистел и гудел ветер, он, набегавшись по камере, сел на койку и почувствовал, что бороться больше нельзя, что черные одолели, и он покорился им. Он давно уже приглядывался к отдушнику печи. Если обхватить его тонкими бечевками или тонкими лентами полотна, то не соскользнет. Но надо было это умно устроить. И он взялся за дело и два дня готовил полотняные ленты из мешка, на котором спал (когда входил вахтер он накрывал койку халатом). Ленты он связывал узлами и делал их двойные, чтобы они не оборвались, а сдержали тело. Пока он готовил всё это, он не мучался. Когда всё было готово, он сделал мертвую петлю, надел ее на шею, влез на кровать и повесился. Но только что стал высовываться у него язык, как ленты оборвались, и он упал. На шум вошел вахтер. Позвали фельдшера, и свели его в больницу. На другой день он совсем оправился, и его взяли из больницы и поместили уже не в отдельную, а в общую камеру.

В общей камере он жил среди двадцати человек, как будто был один, никого не видел, ни с кем не говорил и всё так же мучался. Особенно тяжело ему было, когда все спали, а он не спал и попрежнему видел ее, слышал ее голос, потом опять являлись черные с своими страшными глазами и дразнили его.

Опять, как прежде, он читал молитвы и, как прежде, они не помогали.

Один раз, когда, после молитвы, она опять явилась ему, он стал молиться ей, ее душеньке, о том, чтоб она отпустила, простила его. И когда он к утру повалился на примятый мешок, он крепко заснул, и во сне она, с своей худой, сморщенной, перерезанной шеей пришла к нему.

– Что ж, простишь?

Она посмотрела на него своим кротким взглядом и ничего не сказала.

– Простишь?

И так до трех раз он спросил ее. Но она всё-таки ничего не сказала. И он проснулся. С тех пор ему легче стало, и он как бы очнулся, оглянулся вокруг себя и в первый раз стал сближаться и говорить с своими товарищами по камере.

### III.

В одной камере с Степаном сидел Василий, опять попавшийся в воровстве и приговоренный к ссылке, и Чувев, тоже приговоренный на

поселение. Василий всё время или пел песни своим прекрасным голосом или рассказывал товарищам свои похождения.

Чуев же или работал, что-нибудь шил из платья или белья, или читал Евангелие и Псалтырь.

На вопрос Степана о том, за что его ссылали, Чуев объяснил ему, что его ссылали за истинную веру Христову, за то, что обманщики-попы духа тех людей не могут слышать, которые живут по Евангелию и их обличают. Когда же Степан спросил Чуева, в чем евангельский закон, Чуев разъяснил ему, что евангельский закон в том, чтобы не молиться рукотворенным богам, а поклоняться в духе и истине. И рассказал, как они эту настоящую веру от безногого портного узнали на дележке земли.

– Ну, а за дурные дела что будет? – спросил Степан.

– Всё сказано.

И Чуев прочел ему:

«Когда же приидет сын человеческий во славе своей и все святые ангелы с ним, тогда сядет на престоле славы своей, и соберутся пред ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов, и поставит овец по правую сторону свою, а козлов – по левую. Тогда скажет царь тем, которые по правую сторону его: «Приидите, благословенные Отца моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили меня; был странником, и вы приняли меня, был наг, и вы одели меня, был болен, и вы посетили меня; в темнице был, и вы пришли ко мне». Тогда праведники скажут ему в ответ: «Господи! когда мы видели тебя алчущим и накормили, или жаждущим и напоили? когда мы видели тебя странником и приняли, или нагим и одели? когда мы видели тебя больным или в темнице и пришли к тебе?» И царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне». Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «Идите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его: ибо алкал я, и вы не дали мне есть; жаждал, и вы не напоили меня; был странником, и не приняли меня; был наг, и не одели меня; болен и в темнице, и не посетили меня». Тогда и они скажут ему в ответ: «Господи! когда мы видели тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили тебе?» Тогда скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали мне». И пойдут сии в муку вечную, а праведники – в жизнь вечную». (Матф. XXV, 31–46.)

Василий, присевший на полу против Чуева и слушавший чтение, одобрительно кивнул своей красивой головой.

– Верно, – решительно проговорил он, – идите, мол, проклятые, в муку вечную, никого не кормили, а сами жрали. Так им и надо. Ну-ка дай, я почитаю, – прибавил он, желая похвастаться своим чтением.

– Ну, а прощение разве не будет? – спросил Степан, молча; опустив свою мохнатую голову, слушавший чтение.

– Погоди, помолчи, – сказал Чуев Василью, который всё приговаривал о том, как богатые ни странника не накормили, ни в темнице не посетили. – Погоди, что ль, – повторил Чуев, перелистывая Евангелие. Найдя то, что искал, Чуев расправил большой, побелевшей в остроге, сильной рукой листы.

«И вели с ним, с Христом, значит, – начал Чуев, – на смерть и двух злодеев. И, когда пришли на место, называемое лобное, там распяли его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону.

«Иисус же говорил: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают»... И стоял народ и смотрел. Насмехались же вместе с ними и начальники, говоря: «Других спасал, пусть спасет себя самого, если он Христос, избранник Божий». Также и воины ругались над ним, подходя и поднося ему уксус и говоря: «Если ты царь иудейский, спаси себя самого». И была над ним надпись, надписанная словами греческими, римскими и еврейскими: «Сей есть царь иудейский». Один из повешенных злодеев злословил его и говорил: «Если ты Христос, спаси себя и нас». Другой же, напротив, унимал его и говорил: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а он ничего худого не сделал». И сказал Иисусу: «Помяни меня, Господи, когда приидешь во царствие твое». И сказал ему Иисус: «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со мной в раю». (Луки XXIII, 32–43.)

Степан ничего не сказал и сидел задумавшись, как будто слушая, но он ничего не слышал уже из того, что дальше читал Чуев.

«Так вот она в чем истинная вера, – думал он. – Спасутся только те, кто кормил, поил бедных, посещал заключенных, а в ад пойдут, кто не делал этого. А всё-таки разбойник только на кресте покаялся, а и то пошел в рай». Он не видел тут никакого противоречия, а напротив, одно подтверждало другое: что милостивые пойдут в рай, а немилостивые – в ад, значило то, что всем надо быть милостивыми, а что разбойника Христос простил, значит, что и Христос был милостив. Всё это было совершенно ново для Степана; он только удивлялся, зачем это до сих пор было скрыто от него. И он всё свободное время проводил с Чуевым, спрашивая и слушая. И слушая, он понимал. Ему открылся общий смысл всего учения в том, что люди – братья и им надо любить и жалеть друг друга, и тогда всем хорошо будет. И когда он слушал, то воспринимал, как что-то забытое и знакомое, всё, что подтверждало общий смысл этого учения, и пропускал мимо ушей то, что не подтверждало его, приписывая это своему непониманию.

И с этого времени Степан стал другим человеком.

Степан–Пелагеюшкин и прежде был смирен, но в последнее время он поражал и смотрителя, и вахтеров, и товарищей происшедшей в нем переменной. Он без приказанья, вне очереди, совершал все самые тяжелые работы, в том числе и очищение параши. Но, несмотря на эту свою покорность, сотоварищи уважали и боялись его, зная его твердость и большую физическую силу, особенно после случая с двумя бродягами, которые напали на него, но от которых он отбил, сломав одному из них руку. Бродяги эти взялись обыгрывать молодого богатенького арестанта и отобрали у него всё, что у него было. Степан вступился за него и отнял у них выигранные деньги. Бродяги стали его ругать, потом бить, но он осилил их обоих. Когда же смотритель дознавался, в чем ссора, бродяги объявили, что Пелагеюшкин стал бить их. Степан не оправдывался и покорно принял наказание, состоящее в трехдневном карцере и в перемещении в одиночную камеру.

Одиночная камера была для него тяжела тем, что разлучила его с Чуевым и Евангелием, и, кроме того, он боялся, что возвратятся опять видения ее и черных. Но видений не было. Вся душа его была полна новым, радостным содержанием. Он бы был рад своему уединению, если бы он мог читать и у него было бы Евангелие. Евангелие дали бы ему, но читать он не мог.

Мальчиком он начал учиться грамоте по–старинному: аз, буки, веди, но не пошел по непонятливости дальше азбуки и никак не мог понять тогда складов и так и остался безграмотным. Теперь же он решил выучиться и попросил у вахтера Евангелие. Вахтер принес ему, и он взялся за работу. Буквы он узнавал, но сложить ничего не мог. Сколько он ни бился, чтобы понять, как из букв складываются слова, ничего не выходило. Он ночи не спал, всё думал, есть не хотелось, и от тоски на него такая вошь [напала], что он не мог отгрестись от нее.

– Что ж, всё не дошел? – спросил его раз вахтер.

– Нет.

– Да ты Отче знаешь?

– Знаю.

– Ну вот читай ее. Вот она, – и вахтер показал ему Отче наш в Евангелии.

Степан стал читать Отче, сличая знакомые буквы с знакомыми звуками. И вдруг ему открылась тайна сложения букв, и он стал читать. Это была большая радость. И с тех пор он стал читать, и выделявшийся понемногу смысл из трудно составляемых слов получал еще большее значение.

Одиночество теперь уже не тяготило, но радовало Степана.

Он был весь полон своим делом и не обрадовался, когда его, для того

чтобы освободить камеры для вновь прибывших политических, перевели опять в общую камеру.

V.

Теперь уже не Чуев, а Степан часто в камере читал Евангелие, и одни арестанты пели похабные песни, другие слушали его чтение и его разговоры о прочитанном. Так слушали его молча и внимательно всегда двое: каторжник, убийца, палач Махоркин и Василий, который попался в воровстве и, ожидая суда, сидел в том же остроге. Махоркин два раза во время своего содержания в тюрьме исполнял свои обязанности, оба раза в отъезде, так как не находилось людей, которые бы исполняли то, что присуживали судьи. Крестьяне, убившие Петра Николаича, были судимы военным судом, и два из них были приговорены к смертной казни через повешение.

Махоркина потребовали в Пензу для исполнения его обязанности. В прежнее время он в этих случаях тотчас же писал – он был хорошо грамотен – бумагу губернатору, в которой объяснял, что он командирован для исполнения своих обязанностей в Пензу, и потому просил начальника губернии о назначении ему причитающихся суточных кормовых денег; теперь же он, к удивлению начальника тюрьмы, объявил, что он не поедет и не будет больше исполнять обязанности палача.

– А плети забыл? – крикнул начальник тюрьмы.

– Что ж, плети – так плети, а убивать закона нет.

– Что ж это ты, от Пелагеюшкина набрался? Нашелся пророк острожный, погоди же ты.

VI.

Между тем Махин, тот гимназист, который научил подделывать купон, кончил гимназию и курс в университете по юридическому факультету. Благодаря его успеху у женщин, у бывшей любовницы старика товарища министра, его совсем молодым назначили судебным следователем. Он был нечестный человек в долгах, соблазнитель женщин, картежник, но он был ловкий, сметливый, памятный человек и умел хорошо вести дела.

Он был судебным следователем в том округе, где судился Степан Пелагеюшкин. Еще на первом допросе Степан удивил его своими ответами простыми, правдивыми и спокойными. Махин бессознательно чувствовал,

что этот стоящий перед ним человек в кандалах и с бритой головой, которого привели и караулят и отведут под замок два солдата, что это человек вполне свободный, нравственно недосыгаемо высоко стоящий над ним.

И потому, допрашивая его, он беспрестанно подбадривал себя и подстегивал, чтобы не смущаться и не путаться. Поражало его то, что Степан говорил про свои дела, как про что-то давно прошедшее, совершенное не им, а каким-то другим человеком.

– И тебе не жалко было их? – спрашивал Махин.

– Не жалко. Я не понимал тогда.

– Ну, а теперь?

Степан грустно улыбнулся.

– Теперь на огне меня жги, того бы не сделал.

– Отчего же?

– Оттого что понял, что все люди братья.

– Что же, и я тебе брат?

– А то как же.

– Как же, я брат, а сужу тебя в каторгу?

– От непонятия.

– Что же я не понимаю?

– Не понимаете, коли судите.

– Ну, продолжаем. Потом ты куда пошел?..

Больше же всего поразило Махина то, что он узнал от зрителя о влиянии Пелагеюшкина на палача Махоркина, который, рискуя быть наказанным, отказался от исполнения своей обязанности.

## VII.

На вечере у Еропкиных, где были две барышни – богатые невесты, за которыми обеими ухаживал Махин, после пения романсов, в котором особенно отличался очень музыкальный Махин, – он и вторил прекрасно и аккомпанировал, – он рассказал очень верно и подробно – у него была прекрасная память – и совершенно безучастно про странного

преступника, который обратил палача. Махин потому так хорошо и помнил и мог передать всё, что он всегда был совершенно безучастен к тем людям, с которыми имел дело. Он не входил, не умел входить в душевное состояние других людей и потому-то и мог так хорошо запоминать всё, что происходило с людьми, что они делали, говорили. Но Пелагеюшкин заинтересовал его. Он не вошел в душу Степана, но невольно задался вопросом: что у него в душе, и, не найдя ответа, но чувствуя, что это что-то интересное, рассказал на вечере всё дело: и совращение палача, и рассказы зрителя о том, как странно ведет себя Пелагеюшкин, и как читает Евангелие, и какое сильное влияние имеет на товарищей.

Всех заинтересовал рассказ Махина, но больше всех меньшую Лизу Еропкину, восемнадцатилетнюю девушку, только что вышедшую из института и только что опомнившуюся от темноты и тесноты ложных условий, в которых она выросла, и точно вынырнувшую из воды, страстно вдыхавшую в себя свежий воздух жизни. Она стала расспрашивать Махина о подробностях и о том, как, почему произошла такая перемена в Пелагеюшкине, и Махин рассказал то, что он слышал от Степана о последнем убийстве, и как кротость, покорность и бесстрашие смерти этой очень доброй женщины, которую он последнюю убил, победили его, открыли ему глаза и как потом чтение Евангелия докончило дело.

Долго в эту ночь не могла Лиза Еропкина заснуть. В ней уже несколько месяцев шла борьба между светской жизнью, в которую увлекала ее сестра, и увлечением Махиным, соединенным с желанием исправить его. И теперь последнее взяло верх. Она и прежде слышала про убитую. Теперь же, после этой ужасной смерти и рассказа Махина со слов Пелагеюшкина, она до подробностей узнала историю Марии Семеновны и была поражена всем тем, что узнала о ней.

Лизе страстно захотелось быть такой Марией Семеновной. Она была богата и боялась, что Махин ухаживает за ней из-за денег. И она решила раздать свое имение и сказала об этом Махину.

Махин рад был случаю выказать свое бескорыстие и сказал Лизе, что он любит ее не из-за денег, и это, как ему казалось, великодушное решение тронуло его самого. У Лизы, между тем, началась борьба с ее матерью (имение было отцовское), не позволявшей раздавать имение. И Махин помогал Лизе. И чем больше он поступал так, тем больше он понимал совсем другой, чуждый ему до тех пор мир духовных стремлений, который он видел в Лизе.

## VIII.

Всё утихло в камере. Степан лежал на своем месте на нарах и не спал еще. Василий подошел к нему и, дернув его за ногу, мигнул ему, чтобы он встал и вышел к нему. Степан сполз с нар и подошел к Василью.

– Ну, брат, – сказал Василий, – ты уж потрудись, пособи мне.

– В чем пособить-то?

– Да вот бежать хочу.

И Василий открыл Степану то, что у него всё готово, чтоб бежать.

– Завтра я их взбаламучу, – он указал на лежащих. – На меня скажут. Переведут в верхние, а уж там я знаю как. Только ты мне пробой из мертвецкой вышатай.

– Это можно. Куда пойдешь-то?

– А куда глаза глядят. Разве мало народу плохого?

– Это, брат, так, только не нам судить их.

– Да что ж, я разве душегуб какой. Я ни одной души не погубил, а что воровать? Что ж тут плохого? Разве они не грабят нашего брата?

– Это их дело. Они отвечать будут.

– Да что ж им в зубы-то смотреть? Ну вот я церковь обобрал. Кому от этого худо? Я теперь хочу так сделать, чтобы не лавчонку, а хватить казну и раздавать. Добрым людям раздавать.

В это время поднялся с нар один арестант и стал прислушиваться. Степан и Василий разошлись.

На другой день Василий сделал, как хотел. Он стал жаловаться на хлеб, что сыр, подбил всех арестантов звать к себе зрителя, заявить претензию. Зритель пришел, обругал всех, и узнав, что затейщик всего дела Василий, велел посадить его отдельно в одиночную камеру верхнего этажа.

Этого только и нужно было Василью.

## IX.

Василий знал ту верхнюю камеру, в которую его посадили. Он знал пол в ней и как только попал туда, так стал разбирать пол. Когда можно было пролезть под пол, он разобрал потолочины и спрыгнул в нижний этаж, в мертвецкую. В этот день в мертвецкой лежал на столе один мертвый. В этой же мертвецкой были сложены мешки для сенников. Василий знал это и на эту камеру рассчитывал. Пробой в этой камере был вытасен и вложен. Василий вышел из двери и пошел в строящийся нужник в конце коридора. В этом нужнике была сквозная дыра с

третьего этажа до нижнего, подвального. Ощупав дверь, Василий вернулся в мертвецкую, снял с холодного, как лед, мертвеца полотно (он коснулся его руки, когда снимал), потом взял мешки, связал их узлами так, чтобы сделать из них веревку, и снес эту веревку из мешков в нужник; там привязал веревку к перекладине и полез по ней вниз. Веревка не доставала до пола. Много ли, мало она не хватала – он не знал, но делать нечего было, он повис и прыгнул. Ноги отбил, но ходить мог. В подвальном этаже было два окна. Пролезть можно бы, но вделаны железные решетки. Надо было выломать их. Чем? Василий стал шарить. В подвальном этаже лежали отрезки досок. Он нашел один отрезок с острым концом и стал им выворачивать кирпичи, державшие решетки. Долго он работал. Петухи второй раз уже пели, а решетка держалась. Наконец одна сторона вышла. Василий подsunул отрезок и понапер, решетка выворотилась вся, но упал кирпич и загремел. Часовые могли услышать. Василий замер. Всё тихо. Он полез в окно. Вылез. Бежать ему надо было через стену. В углу двора была пристройка. Надо было влезть на эту пристройку и с нее через стену. Надо взять с собой отрезок доски. Без него не влезешь. Василий полез назад. Опять выполз с отрезком и замер, слушая, где часовой. Часовой, как он и рассчитал, ходил по другой стороне квадрата двора. Василий подошел к пристройке, приставил отрезок, полез. Отрезок соскользнул, упал. Василий был в чулках. Он снял чулки, чтобы цепляться ногами, поставил опять отрезок, вскочил на него и ухватился рукой за желоб. – Батюшка, не оторвись, выдержи. – Он схватился за желоб, и вот коленка его на крыше. Часовой идет. Василий лег и замер. Часовой не видит и опять отходит. Василий вскакивает. Железо трещит под ногами. Еще шаг, два, вот стена. До стены легко достать рукой. Одна рука, другая, вытянулся весь, и вот на стене. Только бы не расшибиться, спрыгивая. Василий переворачивается, виснет на руках, вытягивается, пускает одну руку, другую, – Господи, благослови! – На земле. И земля мягкая. Ноги целы, и он бежит.

В предместьи Маланья отпирает, и он залезает под стеганое из кусочков теплое, пропитанное запахом пота одеяло.

Х.

Крупная, красивая, всегда спокойная, бездетная, полная, как яловая корова, жена Петра Николаича видела из окна, как убили ее мужа и потащили куда-то в поле. Чувство ужаса при виде этого побоища, которое испытала Наталья Ивановна (так звали вдову Петра Николаича), как это всегда бывает, было так сильно, что заглушило в ней все другие чувства. Когда же вся толпа скрылась за оградой сада и гул голосов затих, и босая Маланья, прислуживавшая им девка, с выпяченными глазами прибежала с известием, точно это было что-то радостное, что Петра Николаича убили и бросили в овраге, из-за первого чувства ужаса стало выделяться другое: чувство радости освобождения от деспота с закрытыми черными очками глазами, которые

19 лет держали ее в рабстве. Она сама ужаснулась этому чувству, сама себе не призналась в нем, а тем более не высказала его никому. Когда обмывали изуродованное желтое, волосатое тело и одевали и укладывали в гроб, она ужасалась, плакала и рыдала. Когда приехал следователь по особо важным делам и как свидетельницу допрашивал ее, она видела тут же, в квартире следователя, двух закованных крестьян, признанных главными виновниками. Один был уже старый с длинной белокурой бородой в завитках, с спокойным и строгим, красивым лицом, другой был цыганского склада, не старый человек с блестящими черными глазами и курчавыми, взъерошенными волосами. Она показывала, что знала, признала в этих самых людях тех, которые первые схватили за руки Петра Николаича, и, несмотря на то, что похожий на цыгана мужик, блестя и поводя глазами из-под движущихся бровей, укоризненно сказал: «Грех, барыня! Ох, умирать будем», несмотря на это, ей нисколько не жалко было их. Напротив, во время следствия в ней поднялось враждебное чувство и желание отомстить убийцам мужа.

Но, когда через месяц дело, переданное в военный суд, было решено тем, что 8 человек были приговорены к каторжным работам, а двое, белобородый старик и черномазый цыганок, как его звали, были приговорены к повешению, она почувствовала что-то неприятное. Но неприятное сомнение это, под влиянием торжественности суда, скоро прошло. Если высшее начальство признает, что надо, то, стало быть, это хорошо.

Казнь должна была совершиться в селе. И, вернувшись в воскресенье от обедни, Маланья, в новом платье и новых башмаках, доложила барыне, что строят виселицу и к середине ждут палача из Москвы и что воют семейные не переставая, по всей деревне слышно.

Наталья Ивановна не выходила из дома, чтобы не видать ни виселиц, ни народа, и одного желала: чтобы поскорее кончилось то, что должно быть. Она думала только о себе, а не о приговоренных и их семьях.

XI.

Во вторник к Наталье Ивановне заехал знакомый становой. Наталья Ивановна угостила его водкой и солеными грибами ее приготовления. Становой, выпив водки и закусив, сообщил ей, что казни завтра еще не будет.

— Как? Отчего?

— Удивительная история. Палача не могли найти. Один был в Москве, и тот, рассказывал мне сын, начитался Евангелия и говорит: не могу убивать. Сам за убийство приговорен к каторжным работам, а теперь вдруг — не может по закону убивать. Ему говорили, что плетью сечь будут. Секите, говорит, а я не могу.

Наталья Ивановна вдруг покраснела, вспотела даже от мыслей.

– А нельзя их простить теперь?

– Как же простить, когда приговорены судом. Один царь простить может.

– Да как же царь узнает?

– Имеют право просить о помиловании.

– Да ведь их за меня казнят, – сказала глупая Наталья Ивановна. – А я прощаю.

Становой засмеялся.

– Что ж, просите.

– Можно?

– Известно, можно.

– Да ведь теперь не успеешь?

– Можно телеграммой.

– К царю?

– Что ж, и к царю можно.

Известие о том, что палач отказался и готов пострадать скорее, чем убивать, вдруг перевернуло душу Натальи Ивановны, и то чувство сострадания и ужаса, которое просилось несколько раз наружу, прорвалось и захватило ее.

– Голубчик, Филипп Васильевич, напишите мне телеграмму. Я хочу просить [у] царя помилования.

Становой покачал головой.

– Как бы нам не влетело за это?

– Да ведь я в ответе. Я про вас не скажу.

«Эка добрая баба, – подумал становой, – хорошая баба. Кабы моя такая была, рай бы был, а не то, что теперь».

И становой написал телеграмму царю: «Его Императорскому Величеству Государю Императору. Верноподданная Вашего Императорского Величества, вдова убитого крестьянами коллежского асессора Петра Николаевича Свентицкого, припадая к священным стопам (это место телеграммы особенно понравилось составлявшему ее становому) Вашего Императорского Величества, умоляет Вас помиловать приговоренных к смертной казни крестьян таких-то, такой-то губернии, уезда, волости,

деревни».

Телеграмма была послана самим становым, и на душе у Натальи Ивановны было радостно, хорошо. Ей казалось, что если она, вдова убитого, прощает и просит помиловать, то царь не может не помиловать.

## XII.

Лиза Еропкина жила в неперестающем восторженном состоянии. Чем дальше она шла по открывшемуся ей пути христианской жизни, тем увереннее она была, что это путь истинный, и тем радостнее ей становилось на душе.

У ней были теперь две ближайшие цели: первая обратить Махина или, скорее, как она говорила это себе, вернуть к себе, к своей доброй, прекрасной натуре. Она любила его, и при свете своей любви ей открывалось божественное его души, общее всем людям, но она видела в этом общем всем людям начале жизни его ему одному свойственную доброту, нежность, высоту. Другая цель ее была в том, чтобы перестать быть богатой. Она захотела освободиться от имущества, для того чтобы испытать Махина, а потом для себя, для своей души – по слову Евангелия захотела сделать это. Сначала она начала раздавать, но ее остановил отец, и еще больше, чем отец, толпа нахлынувших личных и письменных просителей. Тогда она решила обратиться к старцу, известному своей святой жизнью, с тем, чтобы он взял ее деньги и поступил с ними, как найдет нужным. Узнав это, отец рассердился и в горячем разговоре с ней назвал ее сумасшедшей, психопаткой и сказал, что он примет меры к тому, чтобы оградить ее, как сумасшедшую, от самой себя.

Сердитый, раздраженный тон отца передался ей, и она не успела опомниться, как злобно расплакалась и наговорила отцу грубостей, называя его деспотом и даже корыстолюбцем.

Она просила прощение у отца, он сказал, что не сердится, но она видела, что он был оскорблен и в душе не простил ее. Махину она не хотела говорить про это. Сестра, ревновавшая ее к Махину, совсем отдалилась от нее. Ей не с кем было поделиться своим чувством, не перед кем покаяться.

«Богу надо покаяться», сказала она себе и, так как был великий пост, решила говеть и на исповеди сказать всё духовнику и попросить его совета о том, как ей поступать дальше.

Недалеко от города был монастырь, в котором жил старец, прославившийся своей жизнью, поучениями и предсказаниями и исцелениями, которые приписывали ему.

Старец получил письмо от старого Еропкина, предупреждающее его о

приезде дочери и об ее ненормальном, возбужденном состоянии и выражающее уверенность в том, что старец наставит ее на путь истинный – золотой середины, доброй христианской жизни, без нарушения существующих условий.

Усталый от приема, старец принял Лизу и стал спокойно внушать ей умеренность, покорность существующим условиям, родителям. Лиза молчала, краснела и потела, но, когда он кончил, она с слезами, стоящими в глазах, начала говорить, сначала робко, о том, что Христос сказал: «оставь отца и мать и иди за мной», потом, всё больше и больше одушевляясь, высказала всё то свое представление о том, как она понимала христианство. Старец сначала чуть улыбался и возражал обычными поучениями, но потом замолчал и стал вздыхать, только повторяя: «О, Господи».

– Ну, хорошо, приходи завтра исповедываться, – сказал он и сморщенной рукой благословил ее.

На другой день он исповедывал ее и, не продолжая вчерашний разговор, отпустил ее, коротко отказавшись взять на себя распоряжение ее имуществом.

Чистота, полная преданность воле Бога и горячность этой девушки поразили старца. Он давно уже хотел отречься от мира, но монастырь требовал от него его деятельности. Эта деятельность давала средства монастырю. И он соглашался, хотя смутно чувствовал всю неправду своего положения. Его делали святым, чудотворцем, а он был слабый, увлеченный успехом человек. И открывшаяся ему душа этой девушки открыла ему и его душу. И он увидел, как он был далек от того, чем хотел быть и к чему влекло его его сердце.

Скоро после посещения Лизы он заперся в затвор и только через три недели вышел в церковь, служил и после службы сказал проповедь, в которой каял себя и уличал мир в грехе и призывал его к покаянию.

Каждые две недели он говорил проповеди. И на проповеди эти съезжалось всё больше и больше народа. И слава его, как проповедника, разглашалась всё больше и больше. Было что-то особенное, смелое, искреннее в его проповедях. И от этого он так сильно действовал на людей.

### XIII.

Между тем Василий сделал всё, как хотел. С товарищами он ночью пролез к Краснопузову, богачу. Он знал, как он скуп и развратен, и залез в бюро и вынул деньгами 30 тысяч. И Василий делал, как хотел. Он даже пить перестал, а давал деньги бедным невестам. Замуж отдавал, из долгов выкупал и сам скрывался. И только то и забота была, чтобы хорошо раздать деньги. Давал он и полиции. И его не

искали.

Сердце у него радовалось. И когда всё-таки взяли его, он на суде смеялся и хвалился, что деньги у толстопузого дурно лежали, он и счета им не знал, а я их в ход пустил, ими добрым людям помогал.

И защита его была такая веселая, добрая, что присяжные чуть не оправдали его. Приговорили его в ссылку.

Он поблагодарил и вперед сказал, что уйдет.

#### XIV.

Телеграмма Свентицкой к царю не произвела никакого действия. В комиссии прошений сначала решили даже не докладывать о ней царю, но потом, когда за завтраком у государя зашла речь о деле Свентицкого, завтракавший у государя директор доложил про телеграмму от жены убитого.

– C'est très gentil de sa part,

[2] – сказала одна из дам царской фамилии.

Государь же вздохнул, пожал плечами с эполетами и сказал: «Закон» и подставил бокал, в который камер-лакей налил шипучий мозельвейн. Все сделали вид, что удивлены мудростью сказанного государем слова. И больше о телеграмме не было речи. И двух мужиков – старого и молодого – повесили с помощью выписанного из Казани жестокого убийцы и скотоложника, татарина-палача.

Старуха хотела одеть тело своего старика в белую рубаху, белые онучи и новые бахилки, но ей не позволили, и обоих закопали в одной яме за оградой кладбища.

—

– Мне говорила княгиня Софья Владимировна, что он удивительный проповедник, – сказала раз мать государя, старая императрица своему сыну: – Faites le venir. Il peut prêcher à la cathédrale.

[3]

– Нет, лучше у нас, – сказал государь и велел пригласить старца Исидора.

В дворцовой церкви собралось всё генеральство. Новый, необыкновенный проповедник был событием.

Вышел старичок седенький, худенький, оглянул всех: «Во имя отца и сына и святого духа», и начал.

Сначала шло хорошо, но что дальше, то хуже. «Il devenait de plus en plus agressif»,

[4] как сказала потом императрица. Он громил всех. Говорил о казни. И приписывал необходимость казни дурному правлению. Разве в христианской стране можно убивать людей?

Все переглядывались, и всех занимало только неприличие и то, как неприятно это было государю, но никто не выказал этого. Когда Исидор сказал: «Аминь», к нему подошел митрополит и попросил его к себе.

После беседы с митрополитом и обер-прокурором старичка отправили тотчас же назад в монастырь, но не в свой, а в Суздальский, где настоятелем и комендантом был отец Михаил.

XV.

Все сделали вид, что ничего неприятного не было от проповеди Исидора, и никто не упоминал про нее. И царю казалось, что слова старца не оставили в нем никакого следа, но раза два в продолжение дня он вспоминал о казни крестьян, о помиловании которых просила телеграммой Свентицкая. Днем был парад, потом выезд на гулянье, потом прием министров, потом обед, вечером театр. Как обыкновенно, царь заснул, как только донес голову до подушки. Ночью его разбудил страшный сон: в поле стояли виселицы, и на них качались трупы, и трупы высывали языки, и языки тянулись дальше и дальше. И кто-то кричал: «Твоя работа, твоя работа». Царь проснулся в поту и стал думать. В первый раз стал думать об ответственности, которая лежала на нем, и все слова старичка вспомнились ему...

Но он видел в себе человека только издали и не мог отдаться простым требованиям человека из-за требований, со всех сторон предъявляемых к царю; признать же требования человека более обязательными, чем требования царя, у него не было сил.

## XVI.

Отбыв второй срок в остроге, Прокофий, этот бойкий, самолюбивый щеголь-малый, вышел оттуда совсем конченным человеком. Трезвый он сидел, ничего не делал и, сколько ни ругал его отец, ел хлеб, не работал и, мало того, норовил стащить что-нибудь в кабак, чтобы выпить. Сидел, кашлял, харкал и плевал. Доктор, к которому он ходил, послушал его грудь и покачал головой.

– Тебе, брат, надо того, чего у тебя нет.

– Это известно, всегда надо.

– Пей молоко, не кури.

– Ныне и так пост, да и коровы нет.

Раз весной он всю ночь не спал, тосковал, хотелось ему выпить. Дома нечего захватить было. Надел шапку и вышел. Прошел по улице, дошел до попов. У дьячка борона наружу стоит прислонена к плетню. Прокофий подошел, вскинул борону на спину и понес к Петровне в корчму, «Авось, даст бутылочку». Не успел он отойти, как дьячок вышел на крыльцо. Уж совсем светло, – видит, Прокофий несет его борону.

– Эй, ты что?

Вышел народ, схватили Прокофья, посадили в холодную. Мировой судья присудил на 11 месяцев в тюрьму.

Была осень. Прокофья перевели в больницу. Он кашлял и всю грудь разрывал. И не мог согреться. Кто посильнее был, те всё-таки не дрожали. А Прокофий дрожал и день и ночь. Смотритель загонял экономию дров и не топил больницу до ноября. Больно страдал Прокофий телом, но хуже всего страдал духом. Всё ему противно было, и ненавидел он всех: и дьячка, и смотрителя за то, что не топил, и вахтера и соседа по койке с раздутой красной губой. Возненавидел и того новенького каторжного, которого привели к ним. Каторжный этот был Степан, Он заболел рожей на голове, и его перевели в больницу и положили рядом с Прокофьем. Сначала Прокофий возненавидел его, но потом полюбил его так, что ждал только того, когда поговорить с ним. Только после разговора с ним утишалась тоска в сердце Прокофья.

Степан всегда всем рассказывал свое последнее убийство, и как оно подействовало на него.

– Не то что закричать или что, – говорил он, – а вот на, режь. Не меня, мол, себя пожалей.

– Ну, известно, душу загубить страшно, я и барана раз взялся резать, сам не рад был. А вот никого не загубил, а за что они меня, злодеи, погубили. Никому худого не делал...

– Что ж, это тебе все зачтется.

– Где там?

– Как где? А Бог?

– Что-то не видать Его; я, брат, не верю, – думаю, помрешь – трава вырастет. Вот и вся.

– Как же думаешь? Я сколько душ загубил, а она, сердечная, только людям помогала. Что же, думаешь, мне с ней одно будет? Нет, погоди...

– Так, думаешь, помрешь, душа останется?

– А то как же. Это верно.

Тяжело было Прокофью умирать, задыхался он. Но в последний час вдруг легко стало. Позвал он Степана.

– Ну, брат, прощай. Видно, пришла смерть моя. И вот боялся, а теперь ничего. Только скорей хочется.

И Прокофий помер в больнице.

## XVII.

Между тем дела Евгения Михайловича шли всё хуже и хуже. Магазин был заложен. Торговля не шла. В городе открылся другой магазин, а проценты требовали. Надо было занимать опять за проценты. И кончилось тем, что магазин и весь товар был назначен к продаже. Евгений Михайлович и его жена бросались повсюду и нигде не могли достать тех 400 рублей, которые нужны были, чтобы спасти дело.

Была маленькая надежда на купца Краснопузова, любовница которого была знакома с женой Евгения Михайловича. Теперь же по всему городу было известно, что у Краснопузова украли огромные деньги. Рассказывали, что украли полмиллиона.

– И кто ж украл? – рассказывала жена Евгения Михайловича. – Василий, наш бывший дворник. Говорят, он швыряет теперь этими деньгами, и полиция подкуплена.

– Негодяй был, – сказал Евгений Михайлович. – Как он тогда легко на клятвопреступление пошел. Я никак не думал.

– Говорят, он заходил к нам на двор. Кухарка говорила, что он. Она говорит, что он четырнадцать бедных невест замуж отдал.

– Ну, они выдумают.

В это время какой-то странный пожилой человек в казинетовой куртке вошел в магазин.

– Что тебе?

– Вам письмо.

– От кого?

– Там написано.

– Что же, ответа не надо? Да подожди.

– Нельзя.

И странный человек, отдав конверт, торопливо ушел.

– Чудно!

Евгений Михайлович разорвал толстый конверт и не верил своим глазам: сторублевые бумажки. Четыре. Что это? И тут же безграмотное письмо Евгению Михайловичу: «По Евангелию говорится, делай добро за зло. Вы мне много зла исделали с купоном и мужичка я дуже обидел, а я вот тебя жалею. На, возьми 4 екатеринки и помни своего дворника Василья».

– Нет, это удивительно, – говорил Евгений Михайлович, говорил и жене и сам себе. И когда вспоминал об этом или говорил об этом жене, слезы выступали у него на глаза, и на душе было радостно.

## XVIII.

В Суздальской тюрьме содержалось четырнадцать духовных лиц, всё преимущественно за отступление от православия; туда же был прислан и Исидор. Отец Михаил принял Исидора по бумаге и, не разговаривая с ним, велел поместить его в отдельной камере, как важного преступника. На третьей неделе пребывания Исидора в тюрьме отец Михаил обходил содержащихся. Войдя к Исидору, он спросил: не нужно ли чего?

– Мне многое нужно, не могу сказать при людях. Дай мне случай говорить с тобою наедине.

Они взглянули друг на друга, и Михаил понял, что ему бояться нечего. Он велел привести Исидора в свою келью и, когда они остались одни, сказал:

– Ну, говори.

Исидор упал на колени.

– Брат! – сказал Исидор. – Что ты делаешь? Пожалей себя. Ведь хуже нет злодея тебя, ты поругал всё святое...

—

Через месяц Михаил подал бумаги об освобождении, как раскаявшихся, не только Исидора, но и семерых других и сам попросился в монастырь на покой.

XIX.

Прошло 10 лет.

Митя Смоковников кончил курс в техническом училище и был инженером с большим жалованьем на золотых приисках в Сибири. Ему надо было ехать по участку. Директор предложил ему взять каторжника Степана Пелагеюшкина.

– Как каторжника? Разве не опасно?

– С ним не опасно. Это святой человек. Спросите у кого хотите.

– Да за что он?

Директор улыбнулся.

– Шесть душ убил, а святой человек. Уж я ручаюсь.

И вот Митя Смоковников принял Степана, плешивого, худого, загорелого человека, и поехал с ним.

Дорогой Степан ходил, как он ухаживал за всеми, где мог, как за своим детищем, за Смоковниковым и дорогой рассказал ему всю свою историю. И то, как и зачем и чем он живет теперь.

И удивительное дело. Митя Смоковников, живший до тех пор только питьем, едой, картами, вином, женщинами, задумался в первый раз над жизнью. И думы эти не оставили его, а разворачивали его душу всё дальше и дальше. Ему предлагали место, где была большая польза. Он отказался и решил на то, что у него было, купить имение, жениться и, как сумеет, служить народу.

XX.

Он так и сделал. Но прежде приехал к отцу, с которым у него были неприятные отношения за новую семью, которую завел отец. Теперь же он решил сблизиться с отцом. И так и сделал. И отец удивлялся, смеялся над ним, а потом сам перестал нападать на него и вспомнил многие и многие случаи, где он был виноват перед ним.

---

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[ВАРИАНТЫ К «ФАЛЬШИВОМУ КУПОНУ».]

\* № 1.

<Махинъ былъ прежній товарищъ; его выгнали изъ гимназіи въ прошломъ году за кутежи и нехорошія дѣла. Тогда Митя былъ съ нимъ дружень и теперь видалъ его, несмотря на то, что родители запрещали ему съ нимъ видѣться. Теперь Митя рѣшилъ итти къ нему именно потому, что приказаній отца, который его считаетъ мошенникомъ, онъ не хотѣлъ соблюдать, и потому, что Махинъ знаетъ, какъ добыть денегъ и гдѣ заложить часы и, кромѣ того, Махинъ придумаетъ что-нибудь. Съ тѣмъ чтобы Махинъ что-нибудь придумалъ,> Митя досталъ изъ стола купонъ и мелочь и надѣлъ пальто и пошелъ къ Махину.

\* № 2.

Все, что узналъ Петръ Николаичъ объ лошадахъ, было то, что была

найдена шкура съ саврасаго мерина, которую Петръ Николаичъ призналъ за шкуру Красавчика, и это еще больше раздражило Петра Николаича. Онъ не могъ теперь безъ злобы видѣть мужиковъ и говорить про нихъ.

Не могъ Петръ Николаичъ и простить земскому начальнику того, что онъ не обвинилъ Прокофія. На судѣ онъ, какъ свидѣтель, настаивалъ, но земскій начальникъ не могъ обвинить Прокофія, и Петръ Николаичъ возненавидѣлъ и земскаго начальника и, встрѣтившись съ нимъ черезъ двѣ недѣли въ дворянскомъ собраніи, высказалъ ему свое неудовольствіе такъ грубо, что земскій начальникъ, чловѣкъ очень вспыльчивый, съ своей стороны наговорилъ ему много непріятностей, въ томъ числѣ самое казавшееся обиднымъ Петру Николаичу слово, что его шляхетскій гоноръ напрасно такъ возмущается.

Вслѣдъ за этимъ на выборахъ Петръ Николаичъ положилъ земскому начальнику налѣво, а когда на земскомъ собраніи шло дѣло о передачѣ земскихъ школъ духовенству, Петръ Николаичъ неожиданно перешелъ на сторону консерваторовъ и своимъ голосомъ рѣшилъ въ пользу приходскихъ школъ. Когда предводитель – либераль сталъ спрашивать его, зачѣмъ онъ поступилъ такъ, онъ объявилъ, что не намѣренъ быть на одной сторонѣ съ крамольникомъ, какъ земскій начальникъ.

– Какой же онъ крамольникъ? – спросилъ предводитель.

– Какъ же, когда они получаютъ запрещенные листки и раздають ихъ.

– Да это не онъ, а сынъ.

– Развѣ не все равно?..

Случилось вскорѣ послѣ этого, что у земскаго начальника, у котораго былъ сынъ студентъ, сдѣлали обыскъ и нашли революціонные листки. Студента арестовали и посадили въ тюрьму.

Семья земскаго начальника была убѣждена, что это все было по доносу этого мерзкаго полячишки, и ненависть между двумя семьями дошла до послѣдней степени.

Дочь земскаго начальника – курсистка рѣшила, что при теперешнемъ общественномъ строѣ нельзя жить, и вмѣстѣ съ пятью студентами и тремя товарками составили заговоръ измѣненія существующаго правленія, при чемъ допускали необходимость жертвъ. У нихъ были двѣ партіи: одни говорили, что можно и должно убивать, если нужно, а другіе говорили, что нельзя. Заговоръ открыли и несчастную чахоточную Людмилу посадили въ домъ предварительнаго заключенія.

Степана посадили въ острогъ съ ссыльными. Въ острогѣ онъ сошелся съ Николаевымъ. Николаевъ рассказывалъ ему, какъ можно пожитья, только бы съ умомъ дѣлать. И Степанъ соблазнился рассказами Николаева и собирался работать съ нимъ вмѣстѣ, когда выйдетъ. Въ одномъ онъ не согласился съ Николаевымъ. Николаевъ говорилъ, что убивать нехорошо, на душѣ нехорошо бываетъ, а Степанъ говорилъ, что ничего, убивать все одно какъ теленка или курицу. Все равно помретъ.

Николаевъ открылъ ему, что онъ бѣжить, и просилъ его выплатать пробой той камеры, въ которой сидѣлъ. Вмѣстѣ бѣжать нельзя, и Николаевъ совѣтовалъ Степану бѣжать изъ Серпухова и рассказаль, какъ это сдѣлать.

И Степанъ, разспросивъ подробно, какъ надо дѣлать и гдѣ найти Николаева, ждалъ, когда ихъ прогонять въ Серпуховъ.

\* № 4.

Степанъ исполнилъ все, какъ сказалъ Николаевъ, и бѣжалъ изъ Серпухова. Острогъ совсѣмъ озлобилъ, озвѣрилъ его. Онъ бѣжалъ безъ денегъ, безъ одежды. Онъ попросился ночевать къ лѣснику-сторожу. Ночью убилъ сторожа и жену, взялъ одежду и денегъ 2 р. 70 и билетъ. За ночь прошелъ 30 верстъ и очутился въ другомъ уѣздѣ, тамъ, гдѣ обѣщаль сойтись съ Николаевымъ. Николаевъ, узнавъ про его дѣла, не захотѣлъ съ нимъ быть. Тогда Степанъ[5] ушелъ и сталъ ходить одинъ. Онъ загубилъ 12 душъ, когда попался.

Послѣднее убійство его было въ уѣздномъ городѣ. Онъ забрался ночью, убилъ старика, его сына, дѣвочку и, услыхавъ, что въ чуланѣ ворочаются, зашелъ туда. Тамъ лежала женщина. Она смотрѣла на Степана не испуганными, но кроткими глазами и крестилась.

— Жаль мнѣ тебя, — сказала она.

— Ну, разговаривать съ вами, — сказалъ Степанъ и полоснулъ ее ножомъ по горлу. Она не противилась и только прижала руку къ груди.

Обобравъ, что нужно было, Степанъ ушелъ и усталый легъ въ канаву.

\* № 5.

Всѣ помѣщики были ему незнакомы. Сошелся онъ здѣсь неволью только съ семействомъ [б] одновладѣльца села Максима Петровича Иванова. Максимъ Петровичъ былъ человекъ мрачный, скучный и непріятный. <Женился на богатой помѣщицѣ, промоталъ ея состояніе, овдовѣлъ и жилъ съ свояченицей Маріей Семеновной, у которой оставалось еще состояніе и которая жалѣла племянниковъ и отдавала все, что имѣла, и весь свой трудъ этимъ племянникамъ. Это была старая, сморщенная 50-лѣтняя дѣвица, тихая, кроткая, всегда дѣятельная и спокойная. Она не только заботилась о племянникахъ, но и всѣ бѣдные въ деревнѣ были ей какъ дѣти; она ухаживала за больными, отдавала все, что позволялъ ей отдавать ея зять, и народъ зналъ и любилъ ее. Съ ней сошелся и Петръ Николаичъ и его жена, полюбившая сосѣдку. Марія Семеновна, узнавъ, зачѣмъ пріѣхалъ Петръ Николаичъ, очень отговаривала его настаивать на требованіяхъ помѣщиковъ отъ крестьянъ: «они хороши, только упрямы, и не уступятъ».

– Знаю, какіе они хорошіе, – отвѣчалъ Петръ Николаичъ и строго взялся за дѣло.>

Попрежнему крестьяне выпустили скотину на барскіе луга, Петръ Николаичъ велѣлъ ихъ загнать. Мужики собрались на сходку и решили отнять силой скотину. Когда они пришли на барскій дворъ, Петръ Николаичъ вышелъ къ нимъ съ ружьемъ. Мужики стали кричать, наступать на него, онъ ударилъ одного. Толпа надвинулась, сдѣлалась свалка, ружье выстрѣлило. Убило одного старика. Всѣ набросились на Петра Николаича, смяли его и съ крикомъ начали бить его. <Марія Семеновна изъ своего дома услышала это и бросилась къ мужикамъ. Портной кроиль у нея и, узнавъ, въ чемъ дѣло, удерживалъ ее, говоря, что теперь убьютъ ее мужики.

– Пускай убьютъ. Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете! – кричала она, пробиваясь сквозь толпу. Но ее отвели насильно.

– Тебѣ тутъ не мѣсто, Семениха, – сказалъ ей старикъ.

– Не пушу, – кричала она и рвалась въ толпу.

Ее помяли, но Петра Николаича убили до смерти и стащили его тѣло въ оврагъ и тамъ бросили. Пріѣхалъ судъ, забрали мужиковъ, стали допрашивать и главныхъ виновниковъ посадили въ острогъ.

Марію Семеновну допрашивали. Она отказалась показывать и только плакала, умоляя судей простить мужиковъ: «они, какъ когда скотина зыкается, они ошалѣли, они не хотѣли. Ихъ нечистый попуталъ». Судьи не слушали ее, смѣялись надъ ней, но портной, котораго тоже допрашивали, который прожилъ 1 1/2 мѣсяца у Маріи Семеновны, видя ея жизнь, сталъ задумываться.>

---

Комментарии Н. К. Гудзия

Приводимые в комментарии цитаты из неопубликованных дневников и записных книжек Толстого извлекаются из автографов, хранящихся в Архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке имени Ленина и в Государственном Толстовском музее. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, как и в других случаях, означают: АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛИ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«ФАЛЬШИВЫЙ КУПОН».

Мы не можем сколько-нибудь точно определить время начала работы над «Фальшивым купоном». В редакторских примечаниях к Дневникам Толстого за 1895–1899 гг., изданных под редакцией В. Г. Черткова, сказано, что эта повесть начата в конце 1880-х годов. В этом утверждении очень много вероятия. Косвенно за вторую половину 1880-х годов говорит то, что срок начала действия купона в черновом автографе первой главы – 1 января 1885 г. (см. ниже). Бумага, на которой написан этот автограф, также отличается всеми признаками давности. Наконец, то, что первая копия этого автографа написана была рукой В. Г. Черткова (см. ниже), также ведет нас к 1880-м годам, так как именно в эти годы Чертков чаще всего переписывал произведения Толстого. Во всяком случае, «Фальшивый купон» был задуман не позднее, чем задуманы «Плоды просвещения», написанные в 1889 г. На клочке бумаги, хранящемся во Всесоюзной библиотеке им. Ленина (АТБ, папка XXIV) рукой Толстого записан ряд задуманных им тем. Под № 7 записано: «Комедия, Спириты», а под № 8 – «Передача купона, Убийца». «За что». На другом листочке, хранящемся в АЧ среди черновых рукописей и бумаг, переданных Толстым В. Г. Черткову, записано рукой Толстого десять задуманных им сюжетов и среди них на втором месте повесть «Миташа», на третьем – «Фальшивый купон», на четвертом – «Крейцера соната», на пятом – комедия «Исхитрилась!» и на последнем месте – «История улья», «Сказка о трех загадках» и «Записки сумашедшего». Точно определить время этой записи не представляется возможным. Приблизительно же она определяется следующими данными. «Крейцера соната» была окончена в 1889 г., комедия «Исхитрилась!», озаглавленная затем «Плоды просвещения»,

также была написана в 1889 г. и в начале 1890 г. лишь отделялась. Таким образом запись сделана не позднее 1889 г. Однако она сделана и не ранее 1887 г., судя по заглавию «Крейцера соната». Повесть, получившая это заглавие, была вчерне написана не ранее 1887 г. (см. комментарий к ней в 27 томе настоящего издания), но первая черновая редакция, в которой действующее лицо не музыкант, а художник, не заключает в себе никаких упоминаний о музыке, в частности о сонате Бетховена, посвященной Крейцеру, и потому заглавие «Крейцера соната» относятся уже к позднейшей стадии работы над повестью. Другие заглавия, приведенные в той записи, не дают материала для датировки записи, так как произведения с этими заглавиями, задуманные и частью начатые в 1880-х годах, или были только набросаны и оставлены или разрабатывались значительно позднее. Вероятно, правильнее всего датировать запись концом 1888 г. [7]

В таком случае запись на клочке бумаги, хранящемся в АТБ, относится к еще более раннему времени: задуманная комедия в ней называется не «Исхитрилась!», как называется она во всех первоначальных ее рукописях, а «Спириты». Очевидно, что заглавие «Исхитрилась!» хронологически позднее заглавия «Спириты».

Замысел же самой темы, легшей в основу «Фальшивого купона», относится к еще более раннему времени. В записи Толстого от 15 сентября 1886 г. дана программа предполагавшегося рассказа о богатом человеке Миташе,

[8] помеченного и в приведенной выше записи сюжетов. В этой программе читаются между прочим следующие строки: «И попался ему купон поддельный, и увидел он сон. Светлый юноша показал ему всю историю поддельного купона: откуда он взялся и как разносилось зло и как пресеклось. И он увидел, что зло расходуется, но не поборают добра. А добро также расходуется и поборают зло».

29 мая 1889 г. Толстой записывает в Дневнике: «Как хороша могла бы быть история об убийце, раскаявшемся на незащищавшейся женщине». Из этой мысли, как известно, в повести развился эпизод убийства Степаном Пелагеюшкиным Марьи Семеновны и раскаяния убийцы. В записной книжке 1890 г. под 11 февраля среди задуманных и, видимо, обрабатываемых сюжетов помечен и «Купон». 31 июля 1891 г. в Дневнике записано: «Сюжет впечатления и история человека, бывшего в золотой роте и попавшего в сад караульщиком около господского дома, в котором он видит близко господскую жизнь и даже принимает в ней участие». Замысел этот, не получивший самостоятельной разработки, в дальнейшем нашел себе воплощение в «Фальшивом купоне» в образе дворника Василия, не бывшего однако в золотой роте.

Следующее упоминание о «Фальшивом купоне», принадлежащее Толстому, относится к марту 1895 г. 12 марта этого года он записывает в Дневник: «Нынче захотелось писать художественное. Вспомнил что да

что у меня не кончено. Хорошо бы всё докончить». И далее в числе девяти произведений, которые хорошо бы было докончить, упоминается и «Купон». 14 ноября 1897 г. в Дневнике записано: «Думал в pendant к Хаджи Мурату написать другого русского разбойника, Григория Николаева, чтобы он видел всю незаконность жизни богатых, жил бы яблочным сторожем в богатой усадьбе с lawn-tennis'ом». В записи Дневника от 13 декабря 1897 года Толстой в числе сюжетов, которые он хочет записать и которые стоит и можно обработать, называет и «Фальшивый купон» и далее с пометкой «прекрасно» – «Разбойник убивающий беззащитных», т. е. тот же сюжет о Степане Пелагеюшкине, влившийся впоследствии в «Фальшивый купон», но до этого включенный в качестве эпизода в четвертую редакцию «Воскресения», над которой Толстой работал в период с конца августа 1898 г. до середины января 1899 г. и где идет речь о каторжнике Федорове, убившем чиновника и его дочь-вдову.

[9]

Во всяком случае к середине 1898 г. часть повести была уже написана, что явствует из записи Дневника от 12 июня этого года: «Рассказ Купона очень хочется дописать». Но и в 1898 и в следующем году работа над повестью, очевидно, ушла очень недалеко. 20 декабря 1899 г. Толстой записывает в Дневник: «Думал нынче о Купоне хорошо. Может быть, напишу». После этого вплоть до 1902 г. у Толстого мы не встречаем никаких упоминаний о работе над «Фальшивым купоном». Лишь 6 октября 1902 г. он записывает в Дневник: „Вчера начал поправлять и продолжать «Фальшивый купон»". Работа над «Фальшивым купоном» далее отмечается в записях записной книжки от 8 и 9 октября 1902 г. Если полагаться на дату, проставленную М. Л. Оболенской на обложке рукописи, описанной под № 2 (см. ниже), то к ноябрю 1902 г. Толстым написано было первых семь глав повести. Следующее упоминание об этой работе – в записи записной книжки от 4 декабря 1902 г. и затем лишь 2 декабря 1903 г. Толстой записывает в Дневник, что он решил начать новую работу – или драму, или статью о религии, или взяться за окончание «Фальшивого купона». До этого в списке художественных сюжетов, сделанном около 4 июля 1903 г., – читаем на первом месте «Купон» и на восьмом – зачеркнутое «Разбойник кается» (см. т. 54, стр. 340). 19 декабря в Дневнике следующая запись: „«Фальшивый купон» обдумал, но не писал". Наконец, в записи Дневника от 25 декабря 1903 г. читаем: «Начал писать «Фальшивый купон». Пишу очень небрежно, но интересуется меня тем, что выясняется новая форма, очень sobre».

[10] Очевидно, только с этого времени Толстой принялся вплотную за систематическую работу над повестью. 3 января 1904 г. он записывает

в Дневнике: «Понемногу подвигаюсь в «Фальшивом купоне». Но очень уж беспорядочно». Далее – упоминания о работе над повестью в записях Дневника от 6, 18, 22, 28 января, 2 февраля и в письме к сыну Л. Л. Толстому от 19 января 1904 г.: «Я пишу «Фальшивый купон», если помнишь, я давно начал, и дополнение о религии» (ГТМ).

Часть черновых автографов и исправленных Толстым копий «Фальшивого купона» заключены в обложки, на которых рукой М. Л. Оболенской и А. Л. Толстой обозначены даты работы Толстого над отдельными частями повести: 1903 г. декабря 15, 26, 28–31, 1904 г. января 3, 6, 14, 15, 23, 26, 27, 29, 31, февраля 1–4, всего 19 дат.

В начале февраля 1904 г. работа над «Фальшивым купоном», очевидно, оборвалась и к продолжению ее Толстой более не возвращался. Последняя дневниковая запись, относящаяся к повести, – «Работаю над Купоном» (2 февраля) – не свидетельствует о том, что Толстой считал свою работу близкой к завершению. В новом списке сюжетов, относящемся к декабрю 1904 г., упоминается одна из центральных тем «Фальшивого купона»: «Убийца, ужаснувшийся непротивления». Весной – 1907 г.

для «Детского крута чтения» Толстой написал маленький рассказ о разбойнике Федотке, убившем старуху, раскаявшемся, признавшемся в убийстве и после каторги ставшем «другим человеком».

К «Фальшивому купону» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ИРЛИ (шифр 22.5.16) и в ГТМ (АЧ, папки 82 и 78) (все материалы, относящиеся к работе над повестью, – автографы и копии – до последнего кусочка сохранились).

1. Автограф ИРЛИ на 3 листах в 4°, из которых два первых исписаны с обеих сторон, а третий лишь в начале лицевой страницы. Заключает в себе текст первой главы и начинается прямо с изложения повести. Заглавия нет. Начало: «Какъ важны бывають люди, а все же есть и важнѣе ихъ». Конец: «надѣль пальто и пошелъ къ Махину».

2. Рукопись ГТМ на 10 листах. На первых пяти листах формата большого полулиста почтовой бумаги – копия автографа первой главы, написанная рукой В. Г. Черткова и исправленная рукой Толстого. Вслед за заглавием («Фальшивый купонъ») – начало: «Какъ ни важны бывають люди». На недописанной переписчиком части пятого листа, на лицевой его странице, идет начало автографа следующих глав повести, до седьмой включительно. Автограф продолжается на листе почтовой бумаги большого формата, исписанного с обеих сторон, и на трех четвертушках писчей бумаги, также исписанных с обеих сторон. Деление на главы в рукописи сначала отсутствует, и появляется оно лишь с VI главы. Автограф кончается словами: «и мертвецки пьяный приѣхаль къ женѣ». Рукопись вложена в обложку с надписью рукой М. Л. Оболенской: «Фальшивый купон. Черновик полный. Ноябрь 1902 год». К слову «полный» неизвестной рукой карандашом приписана частица «не».

3. Рукопись ИРЛИ на 151 нумерованных рукой библиотекаря листах, считая листом любого формата и любого размера бумажную единицу в две страницы. Рукопись эта составила в результате подбора копий

автографов, исправленных рукой Толстого и впоследствии целиком или частично вновь переписанных, и самих автографов, обычно продолжающих текст копий. Материал, относящийся к копиям, на полулистах писчей бумаги, согнутых пополам, на четвертушках и их долях разной величины – написан рукой М. Л. Оболенской, А. Л. Толстой и на пишущей машинке и исправлен рукой Толстого. Автографы написаны, кроме указанных форматов бумаги, еще и на полулистах почтовой бумаги большого и малого формата. Данная рукопись заключает в себе решительно весь автографический материал повести. Ни одна строка из этого материала не утрачена.

4. Одиннадцать обрезков – автографов (ИРЛИ), в которых речь идет о чертях, по первоначальному замыслу фигурировавших в повести и символически истолковывавших отдельные ее моменты. Эти обрезки представляют собой приписки Толстого к копиям отдельных глав, вырезанные из этих копий. Обрезки помещены в конверт, на котором рукой Ю. И. Игумновой написано: «Фальшивый купон».

5. Три четвертушки, хранящиеся в ГТМ и заключающие в себе исправленный рукой Толстого и затем зачеркнутый, переписанный на пишущей машинке текст, относящийся к XI и XIII главам первой части повести.

Недописанные лицевые и чистые оборотные страницы этих четвертушек использованы были впоследствии Толстым для черновиков статьи «Одумайтесь!»

6. Рукопись ИРЛИ на 140 нумерованных окончательно рукой А. Л. Толстой листах в 4°, написанная с одной стороны на пишущей машинке

[11] и от руки – М. Л. Оболенской, А. Л. Толстой и Ю. И. Игумновой, с поправками в большей части глав рукой Толстого. Составилась эта рукопись из ранее сделанных и исправленных Толстым копий, причем страницы или части их, особенно сильно исправленные, были вновь переписаны, иногда вновь исправлены. В результате получился сплошной связный текст «Фальшивого купона», поделенный на главы. Однако деление это не всюду последовательное. Большая часть приписок рукой Толстого, в которых идет речь о чертях, вырезана и на место их вклеены копии, переписанные преимущественно рукой Ю. И. Игумновой. Почти все эти приписки обведены чертой, рядом с которой рукой Толстого написано «пр[опустить]». (Не сделал этой надписи Толстой лишь при приписках о чертях в X и XI главах второй части, очевидно по рассеянности. Рукопись заключена в обложку, на которой рукой М. Л. Оболенской написано: «Фальшивый купон. Ноябрь 1902 год. Ясная поляна». Неизвестной рукой цифра 1902 зачеркнута и вместо нее карандашом проставлено 1904. Там же, на первой странице обложки, рукой Толстого карандашом написан в колонну следующий план:

1) Отець, 2) Сынъ, 3) Гимназ., 4) П. Ф., 5) Его жена, 6) Ив. Мир., 7) П. Н., 8) Прокофій, 9) Священ., 10) Дмитрій Ж., 11) Убійца П. Н.,

12)...

[12]

---

Первый приступ к «Фальшивому купону» – автограф 1 главы

[13] – от последней редакции этой главы отличается следующими особенностями. Начинается повесть сентенцией общего характера:

Какъ ни важны бываютъ люди, а все есть важнѣе ихъ, и достается и важнымъ отъ тѣхъ, кто повыше ихъ.

Это начало, как и несколько ближайших к началу фраз, свидетельствуют о том, что повесть задумана в стиле, близком к стилю народных рассказов. Такъ то было и съ Федоръ Михайловичемъ Смоковниковымъ. Случилась ему неприятность по службѣ: оконфузиль его старшій начальникъ, и вернулся Федоръ Михайловичъ домой злой, презлой, и дома все ему было наперекоръ».

Однако вслед за этим стиль заметно меняется, и повествование ведется в тоне обычном для большей части художественных произведений Толстого.

После обеда Митя у себя в комнате не один, как в последней редакция главы, а с пришедшим к нему готовить уроки товарищем, не названным по имени. Этот товарищ, не зная еще, что Митя нуждается в деньгах, рассматривая купон, на котором написано: «Предъявителю сего 1-го января 1885 года 2.50», предлагает поставить впереди цыфры 2 – единицу. Митя на этот раз отказывается последовать совету товарища. В конце главы, после того как сказано о том, что Митя решил итти к Махину, чтобы тот научил его, как заложить часы, речь шла о Махине и об отношении к нему Мити. Но всё это тут же зачеркнуто (см. вариант № 1). Отличается автограф первой главы и некоторыми словарными и стилистическими особенностями, о которых ниже.

После того как автограф 1 главы был переписан В. Г. Чертковым, копия подверглась исправлению Толстого, и вслед за этим на оставшейся недописанной части последнего листа копии и на следующих листах Толстым были написаны следующие шесть глав повести.

Исправления носят преимущественно стилистический, отчасти словарный и смысловой характер. Отметим наиболее существенные. Так, первоначальное «Хлопнулъ чиновникъ дверью» исправлено на «Федоръ

Михайловичъ хлопнулъ дверью». Митя в ответъ отцу на то, что он в годы сына получал 50 копеек, начал свою реплику словами: «Да не тѣ времена были». Эти слова в копии зачеркнуты. Первоначальное «Сынъ озлобился и испугался, но испугался больше, чѣмъ озлобился» – исправлено: «Сынъ испугался и озлобился, но озлобился больше, чѣмъ испугался». Во фразе «и пошелъ къ обѣду» после «и» вставлено «насупившись». В первоначально написанной фразе «Сынъ тоже хмурился» «хмурился» зачеркнуто и исправлено на «не поднималъ глазъ отъ тарелки». Первоначально написанная фраза «Мать была добрая и баловница, но отъ этого то она и не могла помочь ему. Она ему уже все передавала» исправлена так, что всё, стоящее после запятой зачеркнуто и вместо этого написано: «и она, можетъ быть, помогла бы ему». Написанное в автографе «Нынче у нея былъ больной ребенокъ» заменено более конкретной фразой: «Но нынче она была встревожена болѣзнью меньшого двухлѣтняго Пети». Первоначальное «Онъ пошелъ отъ двери» исправлено на: «Онъ что то проворчалъ себѣ подъ носъ и пошелъ отъ двери». После слов «онъ научить, гдѣ часы заложить» добавлено: «подумалъ онъ, ощупывая часы въ карманѣ».

Кроме того, рассказ о приходе к Мите после обеда товарища зачеркнут и вместо него написан новый текст, очень близкий к соответствующему месту главы в последней редакции.

Что касается автографа глав II – VII, то он, написанный с небольшим числом помарок, очень близок к последней редакции соответствующих глав. В нем лишь отсутствует разговор Евгения Михайловича с дворником (в главе VII) и окончание VII главы, начиная от слов «Жена была беременная».

С копии исправленной первой главы и автографа следующих шести глав М. Л. Оболенской и А. Л. Толстой снята была копия, исправленная и продолженная Толстым: им дописана была VII глава, кончая словами: «долго кляла разбойника – барина, обманувшаго Ивана», и написана новая глава, обозначенная как восьмая и соответствующая IX главе и первому абзацу X главы в последней редакции. Несколько страниц, особенно радикально исправленных Толстым, были переписаны на пишущей машинке. В результате поправок текст первых семи глав был почти окончательно установлен. Главное, что его еще отличает от последней редакции, – это введение чертей, символизирующих постепенное нарастание зла.

В 1 главе после слов «и тут же написал бойкий и колкий ответ», стр. 5, строка 12, приписано:

И хотя онъ не могъ видѣть этого, въ тотъ самый моментъ, какъ онъ читалъ бумагу начальника губерніи, маленькій чертенокъ, сидѣвшій на бумагѣ, перескочилъ на плечо Федора Михайловича и, сидя на немъ, нѣсколько увеличился.

В той же главе, после слов «Вон! сечь их надо!», стр. 6, строка 6, приписано:

И въ ту минуту, какъ Федоръ Михайловичъ всталъ со стула и закричалъ,

чертенокъ, сидѣвшій на его плечѣ, надулся, раздвоился, и тотъ, который былъ поближе, перескочилъ на плечо гимназисту.

В той же главе, после слов «и долго еще кричал, провожая сына, бранные слова», стр. 6, строка 17, приписано:

Чертенокъ весело танцоваль на его плечѣ, дѣлая странныя гримасы.

В той же главе, после слов «а потом снял мундир и надел куртку», стр. 6, строка 27, приписано:

Чертенокъ, въ то время какъ онъ переодѣвался, держась на воздухѣ, опустилсѣ ему на плечо только тогда, когда куртка была надѣта.

В той же главе, после слов «Не знаю все ли так, но я не люблю», стр. 6, строка 43, приписано:

Чертенокъ на плечѣ гимназиста сталъ величиною уже съ маленькаго мышенка.

В той же главе, после слов «Он что то проворчал себе под нос и пошел из двери», стр. 7, строка 14, приписано:

Чертенокъ на его плечѣ раздвоился и хотѣлъ вскочить на плечо матери, но въ то время, какъ онъ приближался къ ней, ей стало жалко сына.

Во II главе, после слов «Что же валить? – Вали!», стр. 8, строки 6–7, приписано:

Чертенокъ на плечѣ Мити перевернулся отъ радости черезъ голову.

К концу III главы приписано:

Между тѣмъ чертенокъ, сидѣвшій на плечѣ Мити, распухъ до порядочной величины, раздвоился и двойника своего оставилъ въ лавкѣ фотографическихъ принадлежностей.

В IV главе, после слов «И зачем брать купоны», стр. 9, строка 20, приписано:

Чертенокъ, оставшійся въ лавкѣ, сначала не зналъ, гдѣ пристроиться, но какъ только хозяинъ закричалъ, онъ уже сидѣлъ у него на плечѣ и радостно смѣялся.

В VI главе, после слов «порожнем погнал к трактиру», стр. 11, строка 27, приписано:

Чертенокъ распухаль на плечѣ Евгенія Михайловича, раздвоился, и двойникъ его побѣжалъ за Иваномъ Мироновымъ.

В той же главе, после слов «Давай деньги, какую ты имеешь полную праву?», стр. 12, строка 5, приписано:

Чертенокъ, взошедшій за Ивановъ Мироновымъ въ трактиръ, вдругъ раздвоился, и одинъ вскочилъ на плечо Ивана Миронова, другой на плечо буфетчика.

В VII главе, после слов «В первый раз его вижу», стр. 12, строка 30, приписано:

Чертенокъ, сидя на плечѣ Евгенія Михайловича, все раздувался и сталъ величиною уже въ большую крысу или маленькаго котенка.

Что касается автографа, следующего за текстом VII главы, то он очень близок к последней редакции IX главы.

На переписанной на машинке последней странице, заключающей в себе окончание VII главы, Толстым приписана была к главе еще одна заключительная фраза, в которой сказано, что Иван Миронов решил идти к адвокату жаловаться на Евгения Михайловича, и вслед за этим написана вся VIII глава, так же как и предыдущая, обозначенная цифрой VIII и соответствующая VIII главе последней редакции. От нее она отличается более кратким концом и тем, что после слов «но что было важнее всего того, что люди видели», стр. 14, строки 5–6, следовали строки о чертях:

Чертенокъ, оставшійся послѣ раздвоенія на плечѣ Евгенія Михайловича, не только самъ увеличился, но еще испустилъ изъ себя другого, гораздо большаго, чѣмъ онъ самъ, дьявола, который помѣстился на плечѣ бойкаго, красиваго, всегда веселаго Василия–дворника.

VIII и IX главы после этого были переписаны на пишущей машинке, слегка исправлены, переставлены одна на место другой и присоединены к первым семи отредактированным главам. Последний абзац IX главы стал начальным абзацем главы X.

Вслед за этим Толстым написана была новая глава, не обозначенная никакой цифрой, но, очевидно, мыслившаяся им как десятая (автограф на двух согнутых пополам полулистах писчей бумаги, исписанных, кроме последней четвертушки, с обеих сторон). Рукопись по содержанию соответствует X главе последней редакции и включает в себе также и материал, легший в основу XI и частью XIII глав. Про Прокофия здесь говорится большей частью то, что позднее связалось с именем Василия.

Часть автографа, соответствующая X главе, в дальнейшем не подверглась никаким поправкам. Лишь в конце Толстым сделана была следующая приписка:

Чертенокъ, жившій на его плечѣ, сталъ больше, особенно послѣ того, какъ онъ раздвоился и двойника своего оставилъ у Петра Николаевича.

Эта часть, будучи переписана на пишущей машинке, в качестве X главы присоединена была к ранее отредактированным первым девяти главам.

Вторая часть автографа в существенном совпадает с началом XI главы в ее последней редакции, кончая словами «Улик не было. И Прошку

выпустили», стр. 17, строка 44. Далее сказано было следующее. Когда Прокофий вернулся домой, Парашу просватали за другого. Дома делать было нечего. С обиды Прокофий пошел в губернский город, где жил поденной работой, пропивая всё, что зарабатывал. Решив вернуться ко второму Спасу к себе домой, он по дороге зашел в деревню переночевать и тут узнал, что купец, снявший помещичий сад, ищет караульщика. К этому купцу и нанимается Прокофий за пять рублей в месяц. Далее о Прокофии сказано:

Обида Петра Николаевича жила въ Прокофѣѣ. Нѣтъ, нѣтъ, да вспомнить, какъ его обидѣли, какъ Параша измѣнила и отецъ избилъ. Не вѣрится, чтобы были на свѣтѣ добрые люди, а живутъ всѣ, только бы себѣ побольше забрать, а объ другихъ никто не думаетъ.

Получив у хозяина расчет, Прокофий отправился на постоянный двор, где, встретившись с двумя приятелями-поденщиками, подбил их ограбить вместе с ним лавку.

Рукопись кончается после этого так:

Денегъ вынули 800 рублей. 700 онъ оставилъ себѣ, а 100 роздалъ товарищамъ. Посдѣ лавки онъ залѣзъ къ богатому купцу и тамъ захватилъ всѣ капиталы. Сотенный билетъ подкинули назадъ, а 27 тысячъ денегъ Прокофій увезъ съ собой въ другой городъ. Въ другомъ городѣ попались всѣ трое въ кражѣ шубы.

Всѣхъ посадили въ острогъ, товарищей Прокофія въ общую камеру, а Прокофія отдѣльно.

Эта вторая часть автографа, будучи переписана на пишущей машинке была вновь радикально переделана.

После того как сказано о том, что Парашу просватали за другого, добавлено:

И Прошка вернулся домой озлобленный противъ Петра Николаевича и всего міра. Чертенокъ, жившій на плечѣ Петра Николаевича, отрядилъ своего двойника на плечо Прокофія.

После двукратных исправлений работа над XI главой была почти закончена. Глава оканчивалась фразой, которая потом Толстым была отчеркнута и рядом с которой им было написано: «пр[опустить]».

Въ острогѣ онъ сталъ харкать кровью и совсѣмъ отчаялся, ненавидѣлъ людей, и себя, и Того, Кто послалъ его въ міръ.

Но, очевидно, вначале эта вторая часть автографа не была выделена в особую главу и мыслилась Толстым как вторая половина X главы, на что указывает проставленная им цифра X перед словами «Петръ Николаевичъ Свентицкій изъ всѣхъ силъ старался...»

То, что говорится дальше о Прокофѣѣ, было отрезано, и в дальнейшем исправленное и связанное с именем Василия образовало XIII главу.

В какой стадии работы над повестью была установлена последняя редакция этой главы, мы не можем сказать с уверенностью; во всяком случае, это было сделано после написания ряда последующих глав, так как в них всё еще вместо Василия фигурирует Прокофий Николаев. Глава дважды переписывалась на пишущей машинке и дважды исправлялась и дополнялась. В копиях она была помечена цифрой XVI. После того, как сказано о слугах, которые работали, чтобы кормить, поить и веселить господ, приписано:

Около всѣхъ этихъ господъ, и старыхъ и молодыхъ, вились въ большомъ количествѣ, какъ мошки въ жаркій день, маленькіе чертенята, и всякій разъ какъ Василій говорилъ себѣ: хорошо бы такъ пожить, чертенята эти раздваивались, перелѣзали къ нему на плечо и превращались въ одного увеличивающагося большого, пухлаго дьявола.

Продолжение работы над повестью – в автографе на 6 листах, нумерованных рукой Толстого (1–6). Текст поделен на главы – XI–XVI, причем из XVI главы написана всего лишь одна строка: «Степанъ исполниль все, какъ сказалъ ему Николаевъ». В XI главе речь шла о ссоре Петра Николаевича с земским начальником, оправдавшим Прокофия, и о том, что сын земского начальника и его дочь Людмила, настроенные революционно, из-за Петра Николаевича попали в тюрьму (см. вариант № 2). После того как эта глава была переписана, она была зачеркнута Толстым, а эпизод с сыном земского начальника и его невестой, заменившей в фабуле сестру, разработан заново.

Текст XII главы автографа соответствует тексту XIV главы последней редакции и отличается от него лишь очень незначительными частностями, кроме конца главы, в котором вместо Степана фигурирует Кондратий. Он бьет Миронова по лицу, но о том, что он убийца, – не сказано: убивает вора толпа.

Текст XIII главы соответствует тексту XV главы последней редакции, но значительно кратче его. Здесь в числе убийц назван Степан Пелагеюшкин, но убивает он Миронова камнем не потому, что сводит с ним личные счеты, а потому, что мир порешил убить вора. О Степане сказано, что он «высокій, красивый малый». После слов «Нынче его, завтра меня» стр. 24, строка 7, идет вариант, в котором рассказывается о встрече Степана с Прокофием в остроге и о замысле их совершить побег. Этот вариант впоследствии был развит в III и VIII главах второй части повести, где Прокофий заменен был Василием. Печатаем его под № 3.

Текст XIV главы соответствует тексту XXII главы последней редакции, но он также кратче и схематичнее его. Женщина, стрелявшая в министра, не названа по имени. О ней сказано лишь, что она была невестой одного из заговорщиков, сидевших в тюрьме вместе с Людмилой.

Текст XV главы соответствует IX главе второй части повести в последней редакции. То, что там говорится о Василии, здесь сказано в применении к Прокофию Николаеву. Глава начинается следующими словами:

Въ ту ночь, когда Николаевъ рѣшилъ бѣжать, въ острогѣ умеръ отъ тифа арестантъ, содержавшійся за сопротивленіе властямъ. Въ острогѣ былъ тифъ, и умирало по человѣку почти каждый день, а то и по два.

В дальнейшем изложение близко к тому, что говорится в IX главе второй части последней редакции; лишь отсутствуют некоторые детали, введенные Толстым в копию, при ее исправлении.

С автографа XI – XV глав снята была копия на пишущей машинке, исправлена, и на оставшихся чистых ее страницах Толстым написаны следующие главы повести.

В XI главе, после того как сказано, что земский начальник попрекнул Петра Николаевича шляхетским гонором, Толстым приписано:

Дьяволенокъ, сидѣвшій на плечѣ Петра Николаевича, еще раздвоился и послалъ своего двойника земскому начальнику.

Слова «и ненависть между двумя семьями дошла до послѣдней степени» (см. вариант № 2, стр. 420, строки 16–17) были зачеркнуты и вместо них написано:

И вся семья земскаго начальника возненавидѣла Петра Николаевича, и дьяволъ, перешедшій отъ Петра Николаевича къ земскому начальнику, утвердился въ этой семьѣ, гдѣ озлобленіе противъ Петра Николаевича скоро перешло на предводителя, губернатора, на всѣхъ жандармовъ.

Вслед за этим остальная часть первоначальной XI главы была радикально переработана и выделена в самостоятельную XII главу. В ней выступает уже Турчанинова – дочь казачьего офицера, заменяющая собой в фабуле повести сестру студента – Людмилу.

Здесь кратко рассказывается то, что позднее сказано в XXI главе последней редакции. Но причины ареста студента прежние – предполагаемый донос Петра Николаевича, а не те, о которых сказано в XXI главе. Заканчивается глава словами:

Дьяволъ, жившій въ семьѣ земскаго начальника, свиль теперь гнѣздо на ея плечѣ и съ каждымъ днемъ становился все больше и больше.

После этого глава эта была еще дважды переработана в копиях, переписанных на пишущей машинке. В первой переработке названы имя и фамилия арестованного студента – Валентин Тюрин, сделано много поправок, приближающих текст главы к последней ее редакции, но причины ареста студента остаются всё те же. Вторая переработка представляет собой последнюю редакцию главы. Здесь многое по сравнению с первой переработкой было Толстым исправлено и дополнено. Арестовывают Тюрину за агитацию среди крестьян того села, в котором управляющим был Петр Николаевич. Глава попрежнему помечалась цифрой XII.

После такой мотивировки ареста Тюрину большая часть первоначальной

XI главы, где речь шла о ссоре отца Тюрина – земского начальника с Петром Николаевичем и о том, что арест студента связывался с предполагавшимся доносом Петра Николаевича, сама собой устранилась, и она была зачеркнута. От главы остался лишь первый абзац, который был присоединен к концу предыдущей главы, ставшей теперь одиннадцатой.

В первоначальной XII главе исправлен лишь конец: исключено упоминание о Кондратии, а о Степане и об убийстве им Ивана Миронова сказано буквально то же, что говорится в XIV главе последней редакции. Лишь в конце сделана следующая приписка:

И дьяволь, жившій на немъ, раздвоился, растроился, расчетверился, расчленился на десятокъ дьяволовъ и вошелъ во всѣхъ тѣхъ, кто билъ Ивана Миронова.

Цыфра XII стерта и заменена цыфрой XIV.

Первоначальная XIII глава была переписана и исправлена дважды. Трудно сказать, к какой стадии работы над повестью должны быть приурочены эти исправления. Во всяком случае, они были сделаны позже написания первоначальной XVIII главы (см. ниже). В первой копии Толстой колебался, какое убийство приписать Степану – Ивана Миронова или Петра Николаевича: всюду, где говорится об убийстве Миронова, его имя было зачеркнуто и сверху написано «П[етра] Н[иколаевича]», но потом второе имя было также зачеркнуто и восстановлено первое. Имя Прокофия, с которым в этой редакции главы Степан встречается в остроге, заменено именем Василия.

При вторичной правке глава была, с одной стороны, сокращена, с другой – значительно дополнена. Выброшен эпизод встречи Степана с Василием в остроге, нашедший себе затем место в более развитом виде в III и в VIII главах второй части повести, и добавлено всё, что говорится о Степане в последней редакции XV главы первой части.

В обеих копиях глава эта помечена цыфрой XX.

Первоначальная XIV глава исправлена и дополнена так, что она соответствует почти буквально тексту XXII главы в последней редакции. В ней лишь отсутствует еще часть текста, начинающаяся словами «Заговора, разумеется, никакого не было» и кончающаяся словами «mais vous savez – le devoir», стр. 31, строка 39 – стр. 32, строка 12. Эта часть текста добавлена была в следующей копии главы, которая, будучи слегка исправлена и дополнена, образовала последнюю редакцию главы. Кроме того, в конце главы было написано:

Дьяволь, жившій въ ней, не уменьшался, но раздвоился въ тотъ самый моментъ, когда она стрѣляла въ министра, и, перескочивъ на министра, уже не оставлялъ его.

Цыфра XIV, обозначавшая главу, исправлена на XIII.

Первоначальная XV глава была исправлена так, что текст ее совпал с текстом IX главы второй части повести в последней редакции.

Исправление главы в описываемой копии, очевидно, происходило дважды (во второй раз тогда, когда поступки Прокофия приписаны были Василию). Цыфра XV заменена цыфрой XVI.

Все эти замены одних цыфр другими указывают на перестановку глав. Эта перестановка не была окончательной, и впоследствии установлен был иной порядок глав.

Вслед за тем на оставшихся 3 1/2 чистых страницах Толстым написано продолжение повести – две главы полностью и одна частично. Обозначены они цыфрами XVII, XVIII и XIX.

Глава XVII автографа соответствует по содержанию тексту XVII главы последней редакции, но кратче его. Весь рассказ ведется от имени автора, диалог отсутствует. О том, что два крестьянина были приговорены к повешению, еще не сказано.

Глава XVIII представляет собой первоначальный набросок текста, легшего позднее в основу второй половины XV главы и всей XXIII главы. Вместо Василия фигурирует пока еще Николаев. Кратко, чисто описательно и внешне перечисляются убийства, которые совершил Степан: он убил лесника – сторожа и его жену, взяв у них 2 рубля 70 копеек денег, билет и одежду, затем убил еще двенадцать человек. Эпизод убийства в уездном городе Марьи Семеновны рассказан кратко, без тех психологических подробностей, которые имеются в описании этого эпизода в его последней редакции, и самое имя убитой не названо (см. вариант №4).

Глава XIX, лишь начатая в этом автографе, соответствует по содержанию началу I главы второй части. Тут речь идет о том, что Степан мучился последним убийством трое суток, а на четвертые пошел к становому.

Автограф переписан был на пишущей машинке (3 четвертушки, исписанные с одной стороны). Затем на полях, на оборотных страницах копии, на оставшейся недописанной части третьей четвертушки и на четырех полулистах почтовой бумаги, исписанных с обеих сторон, он был исправлен и сильно дополнен.

В главе XVII, после того как сказано, что крестьяне сожгли у Петра Николаевича ригу и гумно, приписано:

Сдѣлалъ это Прокофій. Всѣ знали это, но уличить его не могли.

Затем добавлен новый абзац, в котором идет речь о знакомстве Петра Ивановича в поволжской губернии с одновладельцем села Максимом Петровичем Ивановым и его свояченицей Марией Семеновной. Характеристика Марии Семеновны очень близка к характеристике той Марии Семеновны, которая фигурирует в XVI главе последней редакции и которую позже убивает Степан. Когда мужики убивают Петра Николаевича, она бросается в толпу, чтобы защитить его. На суде она просит простить убийц. Тут же упоминается о портном, который жил и работал у Марии Семеновны и который под влиянием примера ее жизни, стал задумываться (см. вариант 5). Большая часть абзаца, в том числе

всё то, что говорится о Марии Семеновне, зачеркнуто Толстым, и ее образ, как и имя, а также фигура портного были использованы им затем в другой обстановке и в другом окружении.

После этого глава эта, будучи дважды переписана на пишущей машинке, дважды была исправлена и дополнена Толстым.

Глава XVIII автографа исправлена и дополнена в направлении к тому, что говорится в главе XXIII последней редакции об убийстве Степаном семьи Марии Семеновны. Но самое имя это еще не названо, отсутствует и ряд подробностей, в роде того, что Степан не мог переносить голоса и взгляда убиваемой женщины, что после убийства он закурил папиросу и почистил свою одежду, и др. Но введена новая фраза, впоследствии вычеркнутая:

Тамъ лежала та самая женщина, про которую говорили Степану, что ее пожалѣть надо, что она всѣхъ бѣдныхъ призираетъ, больныхъ лечитъ, заключенныхъ посѣщаетъ.

В дальнейшем Толстой сильно переработал и расширил материал этой главы. Часть его вошла в состав XV главы последней редакции, другая часть образовала XXIII главу, и по связи с этой последней была написана XVI глава. XXIII глава редактировалась пять раз (т. е. пять раз переписывалась и исправлялась), XVI – три раза. Конец XVI главы от слов «Получила раз Мария Семеновна» и кончая словами «Человек, с которым она столкнулась, был Степан», стр. 32, строки 19–38, был сделан началом XXIII главы.

Обработка XXIII главы (по окончательному счету) шла в направлении психологической детализации и натуралистичности описаний. Так, сцена убийства жены извозчика и ее детей, прежде чем получить последнюю обработку, постепенно преодолевая голый схематизм стиля, последовательно прошла через следующие промежуточные стадии:

[1] Потомъ Степанъ одинъ зашелъ къ мѣщанину въ городъ, сказалъ, что дѣло есть, подождать хозяина. И когда жена пустила его, онъ убилъ ее и двухъ дѣтей.

[2] Изъ постоялаго двора, гдѣ Степанъ убилъ мѣщанина, онъ не пошелъ въ деревню, а вернулся въ городъ. Въ городѣ онъ зашелъ къ извозчику–легковому – изъ ихъ деревни. Извозчика дома не было. Онъ сказалъ, что подождать, и сидѣлъ, разговаривая съ бабой. Потомъ, когда она повернулась къ печи, онъ схватилъ ножъ и убилъ ее. Дѣти стали кричать, онъ убилъ и ихъ.

Следовавшая вслед за этим в ранней редакции фраза:

Потомъ онъ зашелъ въ караулку ночевать, убилъ топоромъ старуху и старика, взялъ поддевку и 40 копеекъ денегъ –

была зачеркнута, так как она разрослась в целый эпизод, приуроченный к концу XV главы, где идет речь об убийстве Степаном содержателя постоялого двора и его жены.

Работа над эпизодом убийства Степаном Марии Семеновны также прешла через ряд стадий. Помимо большого количества второстепенных, большей частью стилистических исправлений и дополнений, было добавлено, что Степан не мог больше переносить взгляда Марии Семеновны и потому ускорил убийство ее. Далее была добавлена такая подробность: после убийства Марии Семеновны «Степанъ закурилъ папирску, посидѣль, почистилъ свою одежду и вышелъ». Образ Марии Семеновны далеко не сразу определился в этом эпизоде. Лишь в процессе работы над эпизодом Марии Семеновны усвоены были и имя и – в общих чертах – самый облик той Марии Семеновны, свояченицы Максима Петровича Иванова, о которой Толстой первоначально говорил в главе, связанной со сценой убийства Петра Николаевича. Оттуда же и фигура портного, которая вместе с характеристикой Марии Семеновны нашла себе место в особой XVI главе (первоначально фигурировали два портных – один взрослый, другой малый – ученик).

Фигура портного организовала собой ряд эпизодов повести, вначале, видимо, не предусмотренных Толстым. Сама она, очевидно, понадобилась для мотивировки превращения крестьян-покупщиков земли в сектантов (глава XVIII). Дальнейшая судьба сектантов рассказана в главах XIX и XX. Но события, о которых говорится в двух последних главах, требовали предварительно написания XII главы, в которой сказано о повороте в судьбе священника Михаила Введенского, в главах XIX и XX фигурирующего в качестве архимандрита Мисаила. Мы имеем автографы главы XII (четвертушка писчего листа и полулист почтового листа) и глав XVII – XX (полулист писчей бумаги, согнутый пополам, и полулист почтовой бумаги). Качество бумаги обоих автографов, цвет чернил и детали почерка совершенно одинаковы – указание на то, что они писались почти одновременно, один вслед за другим.

Судьба текста XII главы, которая и в автографе и в копиях всюду помечена цифрой XII, такова.

В автографе вся глава значительно кратче, чем в последней редакции. Речь в ней ведется целиком от лица автора, диалоги отсутствуют. Ничего не говорится о размышлениях законоучителя по поводу увеличивающихся безнравственности и атеизма, нет и таких деталей, как указание на то, что законоучитель говорил, «поглаживая рукой гладкие бока наперсного креста», или «дрожа подбородком, так что тряслась его редкая борода». Ничего еще не сказано о причинах вражды между законоучителем и Смоковниковым, отсутствует и сцена их столкновения. Жена владельца магазина, прежде чем отправиться в гимназию, идет с жалобой на гимназиста к его отцу – Федору Михайловичу. Сын (по забывчивости Толстой всюду его называет здесь Ваней вместо Мити) сначала отпирается, потом признается. Отец бьет его и прогоняет. По жалобе Федора Михайловича в Петербург законоучителя увольняют, и тогда законоучитель решается идти в монахи. Заканчивается глава словами:

Проповѣди его, въ которыхъ онъ громилъ невѣріе, а главное, крамолу, стали обращать на себя вниманіе, и въ то время, какъ совершили покушеніе на министра, онъ написалъ и прочелъ умиленную проповѣдь о добродѣтели министра и о вредѣ, ужасѣ, и безнравственности

крамольниковъ, служителей дьявола.

Въ высшихъ кругахъ стали знать и цѣнить Михаила. Онъ былъ призванъ въ архимандриты и назначенъ викаріемъ въ одну изъ дальнихъ губерній.

Автографъ трижды былъ исправлен и дополнен в копиях, переписанных на пишущей машинке. Во всех этих копиях сын Федора Михайловича неизменно называется Ваней. Во второй копии впервые жена хозяина магазина фотографических принадлежностей называется по имени и отчеству – Марией Васильевной. В определении дальнейшей судьбы законоучителя после ухода его из гимназии Толстой колебался. В автографе законоучитель после назначения его ректором семинарии получает сан архимандрита и назначается викарием в одну из дальних губерний. Далее – он оказывается миссионером в одной из южных губерний, зараженных штундизмом; в следующей редакции речь идет только о том, что законоучитель получил место ректора и был переведен в столицу. Наконец, в последней редакции сказано о том, что законоучитель постригся в монахи под именем Мисаила и получил место ректора семинарии в поволжском городе, т. е. в тех местах, где произошло и убийство Петра Николаевича.

В копиях троекратно вводятся эпизоды с чертями.

В конце первого абзаца главы приписано:

Чертенокъ, помѣстившійся на спинѣ ея мужа, раздвоился и не покидалъ теперь жену.

После слов, с которыми законоучитель обращается к Марии Васильевне, добавлено:

Такъ говорилъ отецъ Михаилъ и не зналъ, что чертенокъ, сидѣвшій на плечѣ Маріи Васильевны, распухъ, раздался и перескочилъ на плечо отца Михаила.

Наконец, в конце следующего абзаца, после слов «имеет в виду только благо и спасение юноши», стр. 19, строки 17–18, также добавлено:

И въ то время, какъ онъ такимъ образомъ обманывалъ себя, чертенокъ, вскочившій на его плечо, какъ гутаперчевая раздуваемая подушка, сталъ быстро распухать и увеличиваться.

В автографе главы XVIII–XX обозначены цифрами XXIII и XXIV, причем XXIII глава автографа соответствует XVIII главе повести в последней редакции, а глава XXIV была разбита на две, соответствующие главам XIX и XX в последней редакции.

XXIII глава автографа, будучи переписана однажды на пишущей машинке, слегка исправлена рукой Толстого. Еще в автографе Толстой колебался, куда отнести место действия этой главы. В начале оно происходило «въ глухомъ селѣ Кіевской губерніи Васильковскаго уѣзда». Затем эти слова были зачеркнуты и вместо них написано. «Въ Землянскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи». В копии последние слова были зачеркнуты,

вновь восстановлены, опять зачеркнуты и вместо них написано: «Въ селѣ, изъ котораго былъ портной». Ни Киевская, ни Воронежская губернии не подходили потому, что события, рассказанные в этой главе, необходимо было связать с местом служения архимандрита Мисаила, который действовал в одной из поволжских губерний.

По забывчивости в автографе всех трех глав Толстой называет архимандрита его мирским именем – Михаилом. В этой копии, как и в копиях следующих глав, Толстой слово «Михаил» всюду исправил на «Мисаил». Цыфра XXIII, обозначавшая главу, рукой Толстого исправлена на XIX, а затем рядом с ней посторонней рукой поставлена цыфра XVIII.

Первая часть первоначальной XXIV главы была переписана на пишущей машинке и исправлена рукой Толстого дважды. Она обозначена переписчиком цыфрой XIX.

В первой копии рукой Толстого в самом начале главы дописано:

Въ Воронежской епархіи появилась среди крестьянь секта людей, не признающихъ иконъ и таинствъ. Люди эти бросили пить вино, курить табакъ, перестали ругаться и помогали другъ другу.

Толстой зачеркнул это вступление, так как о том же говорилось в предыдущей главе. Далее после слов «сказал отец Мисаил», стр. 28, строки 11–12, было добавлено всё продолжение от слов «Он был рад этому поручению» до конца абзаца.

Во второй копии после слов «сказал архиерей», стр. 28, строки 15–16, были зачеркнуты следующие слова, имевшиеся в автографе:

а это было совсѣмъ неправда, ему никакого дѣла не было до нихъ, только у него забота была, что жить роскошно, ѣсть, пить сладко и быть почитаемымъ.

Вместо этого сказано, как архиерей принимал пухлыми руками чашку чая, и добавлено его обращение к службе насчет второго варенья к чаю.

В третьем от конца главы абзаце «Но не забывая себя» исправлено на «Но, как человек небогатый». Затем приписаны два последние абзаца главы.

Вторая часть первоначальной XXIV главы в копии была исправлена Толстым однажды. Глава обозначена рукой Толстого неопределенно – цыфрой X с многоточиями. Исправлений довольно много, особенно в конце главы, но они большей частью не вносят существенных смысловых и стилистических вариантов по сравнению с автографом. Забыв, что Мисаил уже ранее был назван архимандритом, Толстой в копии к концу главы приписал: «Отцу же Мисаилу дали награду и сдѣлали архимандритомъ».

Между тем к переписанному началу первоначальной XIX главы автографа, о котором речь идет на стр. 569, присоединено продолжение,

соответствующее вместе с этим началом начальным главам второй части последней редакции повести. Эти главы обозначены цифрами XIX, XX и XXI.

Глава XIX автографа отличается от соответствующей ей I главы второй части в последней редакции следующими существенными особенностями. После трехдневных мучений Степан сам идет к становому и отдается в руки властей. Далее несколько раз подчеркивается покорность Степана, его смирение и религиозное настроение, в результате чего получается ощущение резкого перехода от образа необычно жестокого разбойника к образу покаянному. Так, про Степана сказано, что он отвечает зрителю «покорно». Когда зритель его бьет кулаком в челюсть, он говорит: «благодарю васъ, такъ мнѣ и надо. Я того стою». Сидя в камере, Степан что-то шепчет, плачет или молится. На допросах следователя он не только правдив, но и тих. Далее – он «про себя рассказывалъ не только правдиво, но какъ будто нарочно усиливалъ свою и одну свою вину: товарищей же онъ, очевидно, выгораживалъ». В ответ на совет следователя говорить правду, потому что полное сознание облегчит его наказание, «Степанъ отвѣчалъ, что онъ стоитъ наказанія самаго тяжелаго». Когда его спрашивает прокурор, не имеет ли он жалоб и не нужно ли ему чего, «онъ отвѣчалъ, что онъ не стоитъ того, чтобы съ нимъ такъ хорошо обращались, а что просилъ бы объ одномъ, чтобы ему дали книгу – Евангеліе» (он оказывается здесь немного грамотным). Прокурор поражен «кроткимъ, спокойнымъ и достойнымъ видомъ Степана». Про Степана же зритель тюрьмы говорит: «Батюшка его исповѣдывалъ, говорить тоже, что вполне раскаянный человекъ».

XX глава автографа соответствует II главе и части IV главы второй части последней редакции повести. Здесь нет еще эпизода попытки Степана к самоубийству, нет рассказа о сне Степана, в котором он видел убитую им Марию Семеновну. Степан вспоминает между прочим, как он добил Петра Николаевича; вспоминает и свои дела с Прокофием Николаевым. Евангелие он стал читать до встречи с сектантами. С ними он сталкивается впервые в общей камере, куда его переводят после того, как отдельная камера понадобилась для присланных политических. О сектантах, встрече с ними Степана и впечатлении, произведенном ими на него, сказано общо:

Въ общей камерѣ были судимые за распространение ложнаго ученія сектанты. Съ ними особенно сблизился Степанъ, и ученіе, которое передалъ ему сектантъ, объяснило для Степана то, что онъ смутно начиналъ понимать при чтеніи Евангелія. И съ тѣхъ поръ Степанъ понималъ, что жизнь его духовная, свободная и, не заботясь о себѣ, думалъ только о томъ, какъ бы сделать такъ, чтобы всѣ люди поняли это, и кончилось бы воровство, грабежи, убійства, развратъ, наказанія, и всѣ люди жили бы одной семьей, не враждуя другъ съ другомъ, а помогая другъ другу.

Начало XXI главы автографа соответствует началу VI главы второй части последней редакции повести.

Автограф переписан был на пишущей машинке (6 четвертушек, исписанных

с одной стороны, и полулист, на котором исписано было лишь начало первой страницы). Переписанное было исправлено и дополнено рукой Толстого на полях, на одной оборотной чистой странице и на оставшихся чистых страницах полулиста.

В результате исправлений XIX главы, после этого еще раз переписанной и слегка исправленной, установлена была последняя редакция текста, как она читается теперь в I главе второй части. Все черты кротости и покорности, приданные первоначально Толстым Степану, были устранены, и облик его стал сурово-замкнутым, сдержанным.

XX глава лишь в первом абзаце приблизилась к последней редакции II главы второй части повести. Здесь впервые выведена фигура сектанта Чуева, с которым сближается Степан:

Совсѣмъ же его видѣнія прошли, когда онъ сошелся съ Чуевымъ, сидевшимъ въ одной тюрьмѣ съ нимъ. Чуевъ объяснилъ ему, что законъ церковный ложный, а что истинный законъ только въ Евангеліи, и читаль ему Евангеліе. Но Чуева перевели въ другой острогъ. И тогда Степанъ захотѣлъ самъ читать Евангеліе.

Вслед за этим к этой главе приписано окончание, в котором речь идет о каторжнике-палаче Махоркине и которое почти буквально соответствует V главе второй части повести.

После этого глава эта, будучи несколько раз переписана на пишущей машинке, была обрабатываема, исправляема и дополняема не менее четырех раз. Одновременно отдельные абзацы ее были переставлены при помощи ножниц. В результате одна глава сначала была разбита на две – вторую и третью, а затем на четыре, и таким образом образовалась последняя редакция глав II, III, IV и V второй части повести. Существенных стилистических и смысловых вариантов эти переделки и дополнения не дают. Вероятно, одновременно с этим был написан автограф VIII главы второй части повести. Будучи переписан на пишущей машинке, этот автограф был исправлен и дополнен Толстым, так что текст его увеличился почти вдвое. В копии глава эта была обозначена цифрой IV, затем уже переделанной на IX.

В III и VIII главе второй части был развит эпизод, который, как указывалось выше, намечен был в первоначальной XIII главе первой части повести.

В связи с этим первоначальная XIV глава была исправлена так, что сказанное там о Прокофии Николаеве было применено к Василию и образовало IX главу второй части. Эта IX глава после переделки вначале помечена была цифрой V. Таким образом, очевидно, IV и V главы второй части повести стали VIII и IX после того, как первоначальная XX глава, ставши II главой второй части повести, была окончательно разбита на четыре главы.

Заметим попутно, что следующая натуралистическая деталь – «Василий вернулся в мертвецкую, снял с холодного, как лед, мертвеца полотно (он коснулся его руки, когда снимал полотно)» – вписана была Толстым лишь в последнюю редакцию главы.

Переписанная часть первоначальной XXI главы, слегка исправленная, была продолжена Толстым на оставшихся чистых страницах полулиста.

Там же вслед за ней написана остальная часть следующей главы, кончая словами «И теперь последнее взяло верх», стр. 42, строки 13–14. Эта глава обозначена была первоначально цифрой XXII. Будучи переписаны на пишущей машинке и исправлены, обе главы были обозначены цифрами VI и VII и вошли в состав второй части повести. При этом к VII главе был дописан конец. В нем убитая женщина, смутившая совесть Степана, названа Толстым ранее не фигурировавшей фамилией Мининой, и то, что тут Толстой говорит о ней, совершенно расходится с тем, что сказано было о Марии Семеновне:

Она до подробности узнала исторію Мининой. Минина была удивительная женщина. Она была богата и съ молоду начала помогать бѣднымъ, но такъ широко, что дядя ея вступился въ ея дѣла, угрожая взять ее въ опеку, и уговорилъ переѣхать къ нимъ. Дядя отобралъ у нея всѣ деньги и давалъ ей 30 рублей въ мѣсяць, которые она раздавала бѣднымъ. Это отношеніе Мининой къ имуществу особенно поразило Лизу.

В копии первая фраза этого варианта была исправлена Толстым так: «Она до подробностей узнала исторію Маріи Семеновны и была поражена всѣмъ тѣмъ, что узнала о ней». Затем всё продолжение варианта было зачеркнуто и вместо последней его фразы написано: «Лизѣ страшно захотѣлось быть такой Маріей Семеновной».

Вслед за этим Толстым написана была глава, обозначенная им вторично цифрой XXII и соответствующая главам X и XI второй части повести. В копии эта глава была разделена на две, причем часть текста, соответствующая главе X второй части, занумерована была Толстым цифрой VI, а часть текста, соответствующая XI главе, – цифрой VII. Переписчиком же обе главы обозначены цифрой IX, поставленной на месте стертой XXII, затем рядом с IX карандашом написано X. Копия автографа не включает в себе почти никаких поправок. Но в трех местах в ней сделаны добавления о чертях. В X главе после первого абзаца Толстым приписано:

Тотъ дьяволь, который жилъ на шеѣ Петра Николаевича, перешель къ ней.

В XI главе, после слов «Наталья Ивановна вдруг покраснела, вспотела даже от мыслей», стр. 45, строки 34–35, добавлено:

И дьяволь, сидѣвшій у нея на плечѣ, сталъ беспокоиться: подниматься и опускаться.

Затем в той же главе добавлено после слов «А я прощаю», стр. 45, строка 42:

И услыхавъ эти глупыя слова, дьяволь соскочилъ съ ея плеча и не смѣлъ ужъ болѣе сѣсть на него.

На оставшихся чистыми страницах полулиста, на котором кончалась копия X – XI (первоначально XXII) главы, написана была следующая глава (соответствующая XII главе второй части в последней редакции) и затем на девяти отдельных листках – все остальные главы повести.

В первую очередь были написаны главы, соответствующие главам XIV, XV, XVIII и XX второй части повести в окончательной редакции и пронумерованные рукой Толстого цифрами от XXIV до XXVIII. Затем – три главы, соответствующие главам XIII, XVI и XVII второй части. Они точно не нумерованы: каждая из них снабжена цифрой XX с последующим рядом палочек. Такая нумерация обозначала, что Толстой не определил еще этим главам их места среди других.

Всё окончание повести было переписано на пишущей машинке, и главы, видимо, по указанию Толстого, размещены в том порядке, в каком они печатаются во всех изданиях. Рукой Толстого исправления сделаны были лишь в главах XIII, XV, XVI и XVII, причем серьезному исправлению подвергся лишь последний абзац XV главы, который первоначально читался так:

И всѣ, знавшіе царя и прежде и послѣ, не могли не видѣть, какъ съ этого дня измѣнился царь и сталъ строже къ себѣ, внимательнѣе къ своему дѣлу и добрѣе и кротче рѣшалъ дѣла, подлежавшія его рѣшенію.

На этом работа Толстого над повестью остановилась. Из предшествовавших копий были отобраны исправленные Толстым в последний раз, причем некоторые страницы, заключавшие в себе особенно много поправок, были вновь переписаны и частью подверглись новой легкой авторской правке. После этого получилась цельная рукопись текста «Фальшивого купона», описанная у нас под № 6 и представляющая собой последний этап в работе Толстого над этим произведением.

22 января 1904 г. Толстой записал в Дневник: «Нынче занимался Купоном и колеблюсь, оставить или уничтожить чертей». В конце концов чертей он решил уничтожить и всюду, за исключением трех мест (главы X и XI второй части), приписки с упоминанием чертей были им отчеркнуты с пометкой «пр[опустить]». Эта пометка, разумеется, относится и к обеим указанным главам второй части и не поставлена там по рассеянности.

Повесть обрывается на начале XX главы второй части. Какая часть повести не дописана, сказать трудно. Во всяком случае, во многом в ней не сведены концы. Не рассказана до конца судьба Турчаниновой, Махина, Василия и некоторых других персонажей. Кроме того, в последней редакции не устранены некоторые противоречия, о которых ниже. Это указывает на то, что и написанное Толстым окончательно не отделано им.

Прототипом для Прокофья Толстому послужил его кучер Ларион, о котором Толстой в своих «Записках христианина», написанных в 1881 году, говорит следующее.

«Не помню, как и через кого попал ко мне кучером только что вышедший

в бессрочные артиллерист Ларивон, из деревни Тросны, за 8 верст от меня. Тогда я воображал, что освобождение крестьян есть очень важное дело, и я весь был поглощен им, и Ларивон, которого я подолгу во время наших переездов видал перед собой на козлах, мало занимал меня. Помню, молодцоватый высокий парень–щеголь. Он завел себе шляпу с павлиньими перьями, красную рубаху и безрукавку. И помню, едем мы раз, встречаем баб, и они что–то сказали. Ларивон обернулся ко мне и улыбаясь говорит: «вишь, говорят, не на барина смотреть, а на кучера». Помню я его тщеславную добродушную улыбку, помню всегдашнюю расторопность, исправность, веселость и хоть и привычную нам, но в Ларивоне поражающую смелость. Была пристяжная кавказская, гнедая, злая лошадь. Завизжит, бывало, и бьет нарочно в человека, когда попадет постромка за ногу или вожжа под хвост. Ларивон подходил к заду и как с теленком обращался с ней. Так он и отслужил у меня, пока я не уехал. И осталось у меня воспоминание славного, доброго, веселого и хорошего парня. Такой он и был.

В нынешнем году осенью пришла Тита Борискина (наш мужик) баба..... – Что скажешь? – Да об своей горькой вдове – Ларивоновой. Дочь она мне, за Ларивоном была, кучером жил у вас.

Я вспомнил с трудом Ларивона....

Я стал расспрашивать, и вот что мне рассказала старуха. Ларивон после меня женился на ее дочери, завелся хозяйством с братом и жил хорошо. Но, человек уже оторванный от своей прежней жизни, изломанный солдатством, он дома уже был не жилец, и его опять тянуло на должность, чисто ходить, сытней есть, чай пить. Брат отпустил его, и он поступил в кучера к очень хорошему человеку, мировому судье. Опять, как со мной, он стал ездить, щеголять в безрукавке. И мировой судья был им доволен. Случилось раз, отправил мировой судья лошадей домой и велел покормить дорогой на постоялом. Ларивон покормил, но на четверку овса показал, а не скормил и выпил на эти деньги. Узнал это мировой судья. Как поучить человека, чтоб он таких дел не делал? Прежде были розги, теперь суд. Мировой судья подал товарищу прошение. Мировой судья надел цепь, вызвал свидетелей, привел к присяге кого следует, предоставил право защите, встал и по указу его императорского величества приговорил к меньшей мере наказания, пожалел человека, на два месяца в острог в г. Крапивну....

Туда попал Ларивон и снял поддевку, красную рубаху, надел вшивую рубаху и халат и попал в рабство к смотрителю. Зная тщеславие, самолюбие Ларивона, я могу догадаться, что с ним сделалось. Теща его говорила, что он и прежде пивал, но с тех пор ослаб. Несмотря на то, что он ослаб, мировой судья взял его опять к себе, и он продолжал жить у него, но стал больше пить и меньше подавать домой брату. Случилось ему отпроситься на престольный праздник. Он напился. Подрались мужики и одного прибили больно. Опять пошло дело к мировому судье. Опять цепь, опять присяга, опять по указу его императорского величества. И Ларивона посадили на 1 [год] и 2 месяца. После этого он вышел, уже вовсе ослабел. Стал пить. Прежде и выпьет, разума не теряет, а теперь стакан выпьет и пьян, не стали его уже и держать в кучерах. От работы отбился. Работал с братом

через пень колоду. И только и норовил, что бы где выпить.

Старуха рассказывала, как в последнее она видела его на воле: «Пришла я к дочери. У них сватья была у соседа. Пришли со сватьбы, легли. Ларивон просил 20 копеек на выпивку, ему не дали. Лег он на лавке. – Старуха рассказывала: – только стал свет брезжить, слышу, Ларивон встал, заскрипели половицы, пошел в дверь. Я еще окликнула его: куда мол. Голоса не отдал и ушел. Только мы полежали, поднялась я. Слышу на улице крик – вышла. Идет Ларивон и на спине борону несет, а вдовая дьячиха за ним гонит, кричит караул, замок в клети сломал, борону украл. А уж белый свет. Собрался народ, староста, взяли, связали, отправили в стан. Потом уж и дьячиха тужила, не знала, что будет за борону. Не взяла бы, говорит, греха на душу».

Повели Ларивона в острог. Суда дожидался 6 месяцев, вшей кормил, потом опять присяга, свидетели, права, по указу его императорского величества посадили Ларивона в арестантские роты на 3 года. Там он не дожил 3 лет, помер чахоткой» (ГТМ).

Эпизод убийства крестьянами управляющего имением Петра Николаевича Свентицкого, рассказанный в XVII главе I части «Фальшивого купона», почти точно воспроизводит случай убийства крестьянами 14 апреля 1887 г. А. В. Станиславского, управляющего имением Н. А. Тучковой–Огаревой Долгоруково. По этому делу, как и по делу Свентицкого, было повешено двое крестьян. Эта казнь очень взволновала Толстого, и еще в 1904 г. он говорил о ней в беседе с А. Б. Гольденвейзером. (Подробные обстоятельства убийства Станиславского см. в комментарии Н. Н. Гусева к статье Толстого «По поводу дела Скублинской», т. 27 наст. изд., стр. 741–743.)

---

Впервые «Фальшивый купон» был напечатан в первом томе «Посмертных художественных произведений Льва Николаевича Толстого» под редакцией В. Г. Черткова, в издании А. Л. Толстой, Москва, 1911, однако с цензурными урезками. В первой части исключено: в XII главе фраза «Наплевать мне на ваш сан», стр. 19, строка 45; в XV – от слов «Степан никогда не имел уважения к начальству», кончая «посылали в остроги вшей кормить», стр. 24, строки 11–21; в XVIII – фраза «И перестали ходить в церковь и снесли попу иконы», стр. 27, строка 44 – стр. 28, строка 1; в XX главе – большая ее часть, от слов «На вопрос о том, почему они отпали» и кончая «выскочили из избы и вернулись по домам», стр. 29, строки 6–40. Во второй части, в III главе, исключены слова: «что его ссылали за истинную веру Христову, за то, что обманщики–попы духа тех людей не могут слышать, которые живут по Евангелию и их обличают» и затем слова «что евангельский закон в том, чтобы не молиться рукотворенным богам, а поклоняться в духе и истине», стр. 37, строки 4–6, 7–9, от XIV главы уцелел лишь последний абзац, глава XV исключена целиком.

Эти пропуски отсутствуют в тексте повести, напечатанном в первом томе вышедшего одновременно в Берлине в издании «Свободного слова», также под редакцией В. Г. Черткова, собрания посмертных произведений Толстого.

Что касается текстологической стороны, то оба эти издания выполнили ее в общем удовлетворительно, хотя и не избегли кое-каких ошибок, большей частью мелких; московское издание отредактировано тщательнее берлинского. Как то, так и другое, основывались не только на последней хронологически рукописи – на исправленной копии, но привлекали, хотя и не систематически, автографы.

[14] Необходимость привлечений этих последних диктуется тем, что переписчики часто небрежно или неверно воспроизводили написанное Толстым; Толстой же не замечал сплошь и рядом этих промахов копий и не исправлял их.

Оба издания вводят также конъектуры, устраняющие противоречия текста, окончательно не отделанного и не проверенного Толстым, причем московское издание прибегает к конъектурам чаще, чем берлинское.

Большая часть этих конъектур оговорена в примечаниях к московскому изданию.

Вот они:

- 1) В XX главе первой части исключены заключительные слова главы, читающиеся в рукописях: «и сделали архимандритом», так как из главы XVIII видно, что Мисаил уже был архимандритом.
- 2) В XXI главе той же части в словах «где она виделась с Тюриным» стр. 31, строка 70, в целях синтаксической правильности «где» исправлено на «и».
- 3) В V главе второй части, стр. 40, строка 15, стоящее в рукописях слово «Пензу» исправлено на «Симбирск», так как в XXI главе первой части сказано, что имение Ливенцовых, в котором произошло убийство Петра Николаевича, было в Симбирской губернии. Пенза, как место казни двух крестьян, было указано Толстым в связи с тем, что действительный факт убийства крестьянами управляющего Станиславского имел место в Пензенской губернии, где было имение Тучковой–Огаревой.
- 4) В VII главе второй части в автографе было написано: «то, что он слышал от Ст. о последнем убийстве». Здесь «Ст.» обозначало «Степана», но переписчик написание «Ст.» расшифровал как «станового». Толстой не заметил ошибки переписчика и приписал к переписанной фразе: «и то, что рассказал сам Пелагеюшкин о том, как кротость» и т. д. В виду того что эта приписка вызвана была ошибкой в копии, редактор вполне основательно исключает ее, восстанавливая вместо ошибочного «станового» правильное «Степана», стр. 42, строки 5–6.
- 5) В той же главе в автографе и в копии было написано: «у Лизы между

тѣмъ началась борьба съ ее матерью (имѣніе было отцовское)». Но дальше, в XII главе, речь идет о борьбе Лизы с отцом, почему редактор вводит здесь перестановку, стр. 42, строки 24–25.

Кроме того, сделаны следующие неоговоренные конъектуры:

6) В IX главе первой части, стр. 15, строка 13, поставлена цифра 10 вместо стоящей в последней копии 15, во фразе «имение в 300 десятин через 15 лет стало образцовым». В автографе цифры 10 и 15 написаны одна на другой, так что нет возможности решить, что на что исправлено: 10 на 15 или наоборот. Но логически правильна лишь цифра 10, так как выше сказано, что имение Петром Николаевичем приобретено было 12 лет назад.

7) В XII главе той же части и в XIX главе второй части гимназист Смоковников называется «Митя» вместо стоящего в автографе и в копиях «Ваня». Конъектура эта сделана на том основании, что в первых трех главах гимназист всюду называется Митей.

8) В XIV и XVIII главах второй части стоящее в автографах и в копиях имя архимандрита «Михаил» исправлено редактором на «Мисаил», так как из предыдущего известно, что свое мирское имя Михаил законоучитель переменил на имя Мисаил, когда поступил в монахи.

В берлинском издании из этих восьми конъектур приняты только первая, пятая, шестая, седьмая и восьмая.

Как в московском, так и в берлинском изданиях, особенно в последнем, в ряде мест текст оригинала, как сказано было выше, воспроизведен недостаточно точно; это происходило тогда, когда – в отдельных случаях – редактор вынужден был полагаться лишь на копии, не сверяя их с автографами. Так, например, в VI главе первой части в обоих изданиях после слов «и надеялся продать, но провозил», стр. 10, строки 40–41, пропущено стоящее в автографе «до вечера»; там же после слов «Иван Миронов готов был», стр. 11, строка 3, пропущено «даже»; там же после слов «Рассказал, что», стр. 11, строка 32, напечатано отсутствующее в автографе «был»; там же после слов «Сидор! кликни ка», стр. 12, строка 6, вместо стоящего в автографе «полицейского» напечатано «помощника», и т. д.

В вышедшем в 1930 году XIV томе полного собрания художественных произведений Толстого (Государственное издательство, Москва – Ленинград, 1930, редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума) текст «Фальшивого купона», как заявлено редакцией, вновь был напечатан по автографам и копиям. В результате – ряд ошибочных чтений московского и берлинского изданий был устранен, но часть таких чтений, в том числе и все выписанные выше, и в этом издании были удержаны. Произошло это оттого, что редакция, видимо, не воспользовалась рукописью ГТМ, описанной под № 2. Все конъектуры московского издания, за исключением 2-й, приняты и в этом новейшем издании.

В настоящем издании печатаем «Фальшивый купон» по автографам и исправленным рукой Толстого копиям, каждый раз сверяя копии с автографами. Считая конъектуры московского издания логически

правильными, в настоящее издание вводим однако лишь четвертую, шестую и седьмую, как бесспорные.

---

#### ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения, написанные Толстым в период 1904–1906 гг. Художественные произведения, напечатанные в этом томе, не только не получили окончательной авторской отделки, как и все так называемые «посмертные произведения», но и в большей своей части (три из пяти) не закончены. Печатаются они однако, в согласии с принятым в этом издании порядком, в начале тома, перед законченными статьями, по новой орфографии, но тем набором (корпусом без шпон), которым печатаются незаконченные, неотделанные и неопубликованные при жизни произведения Толстого. Впервые публикуются здесь две до сих пор не опубликованные статьи Толстого – «Как и зачем жить?» и «Три неправды», а также варианты из черновых рукописей к произведениям, ранее опубликованным.

Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным

Н. Гудзий.

---

#### РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, непечатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимения «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью; причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь, в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, в одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Пометы: \*, \*\*, \*\*\*, \*\*\*\* в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: \* – что печатается впервые, \*\* – что напечатано после смерти Толстого, \*\*\* – что

не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и \*\*\*\* – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

## ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия портрета Толстого 1905 г. – между XII и 1 стр. стр.

Автотипия с автографа начала «Фальшивого купона» – между 16 и 17 стр. стр.

## Примечания

[ – Я очень рад был бы отпустить эту бедную девочку, но вы понимаете – долг.]

2

[ – Это очень мило с ее стороны,]

3

[ – Пригласите его. Он может проповедывать в соборе.]

4

[Он становился всё более и более агрессивным,]

5

В рукописи Толстой по рассеянности написал: Ник[олаевъ]

6

Зачеркнуто: отставного станового

7

Соображения в пользу такой датировки см. в комментариях к Дневнику и Записным книжкам 1888–1889 гг., т. 50 настоящего издания.

8

См. т. 26 настоящего издания.

9

См. т. 33 настоящего издания, стр. 254–256, 375.

10

[трезвая, умеренная]

11

Все рукописи, написанные на пишущей машинке, в огромном большинстве случаев написаны на одной стороне листа. В дальнейшем, когда нет особой оговорки, «написано на пишущей машинке» означает, что написано на одной стороне листа.

12

К какому времени относится написание этого плана, трудно сказать с уверенностью, так как неизвестно, когда заготовлена была обложка для рукописи: она может датироваться и временем более ранним, чем 1904 год, время окончательного формирования данной рукописи. Возможно, что дата обложки – 1902 год, которым она первоначально помечена. В таком случае загадочные инициалы «П. Ф.» и написание «Дмитрий Ж.», не находящие себе объяснения в известных нам черновых и исправленных текстах «Фальшивого купона», – сокращенное обозначение персонажей или не введенных вовсе в повесть или названных впоследствии иными именами.

13

В дальнейшем, когда это не оговорено, имеются в виду главы первой части повести.

14

Так, рукопись ГТМ, описанная под № 2, не могла быть привлечена издателями: она принадлежала Н. Л. Оболенскому и поступила в ГТМ лишь в 1912 г., когда оба издания были уже напечатаны.